

eISSN: 2782-1587

№ 3(16), 2023
(online)

**ВОПРОСЫ
ДЕВИАНТОЛОГИИ**

eISSN: 2782-1587

ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ № 3(16), 2023 (online)

Научный журнал основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель журнала – профессор Ю. А. Клейберг

Специализированный журнал по девиантологическим проблемам зарегистрирован в Национальном центре ISSN (URL: <http://kleyberg.ru/magazine>), включен в базу данных РИНЦ, имеет полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (<https://www.elibrary.ru/titles.asp>). Индексирование журнала в РИНЦ осуществляется в соответствии с Лицензионным договором от 13.04.2021 г. № 139-04/2021.

Журнал расположен также на сайте www.kleyberg.ru

В журнале публикуются статьи по фундаментальным, прикладным и общественно значимым проблемам девиантологии, актуальные исследовательские психологические, философские, политологические культурологические, социологические, криминологические, медицинские, педагогические разработки, а также обзоры Конгрессов, конференций, рецензии монографий, учебников и учебных пособий и другие материалы.

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и материалов несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Статьи рецензируются. Рукописи не возвращаются.

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях.

Ответственность за содержание статей и материалов несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Электронный адрес редакции:
yury.kleyberg@yandex.ru**

© Клейберг Ю. А., 2023

© Авторы статей, 2023

Учредитель и главный редактор – Ю. А. Клейберг,
лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования и науки,
академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук,
профессор (Тверь, Россия).

Редакционная коллегия:

Демиденко Н.Н., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Тверь, Россия).

Козлов В.В., академик МАО, МАПН, президент МАПН, д-р психол. наук, проф.
(Ярославль, Россия).

Котов-Дарти С.Ф., академик РАЕН, МАО, д-р юр. наук, проф. (Республика
Гана).

Сиротюк А.Л., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Тверь, Россия).

Клейберг Б.Ю., чл.-корр. МАО, канд. юр. наук (Тверь, Россия).

Научный совет журнала:

Акопов Г.В., академик МАО, Заслуженный деятель науки РФ, д-р психол. наук,
проф. (Самара, Россия).

Арпентьева М.Р., академик МАО, д-р психол. наук, проф. (Калуга, Россия).

Баева И.А., академик РАО, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия).

Баратов Ш.Р., д-р психол. наук, проф. (Ташкент, Республика Узбекистан).

Бахтин М.В., академик РАЕН, МАО, доктор философских наук, проф. (Рагуза,
Италия).

Гилинский Я.И., академик МАО, д-р юр. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия).

Руденский Е.В., академик МАО, д-р социол. наук, канд. пед. наук, проф.
(Новосибирск, Россия).

Суртаев В.Я., академик МАО, Заслуженный деятель науки РФ, д-р пед. наук,
проф. (Ростов-на-Дону, Россия).

Тесленко А.Н., академик МАО, МАСР, д-р социол. наук, д-р пед. наук, проф.
(Астана, Республика Казахстан).

Токторбаева К.А., д-р эконом. наук, проф. (Бишкек, Республика Кыргызстан).

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

СОДЕРЖАНИЕ

Страница главного редактора.....	5-6
Колесникова Г.И. Экзистенциальный смысл девиантного поведения: значение в развитии и становлении личности.....	7-20
Клейберг Ю.А. Формирование и институционализация концепта «цифровая ювенальная девиантология	21-47
Долгиев А.И. Физическая активность как средство профилактики профессионального выгорания педагога.....	47-53
Рогова Е.А. Взаимосвязь одиночества, и Я-концепции в подростковом возрасте.....	54-65
Клепинин Д.А. Мотивация достижений успеха в профессиональной учебной деятельности.....	65-97
<i>Размышление ученого. Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое.....</i>	98-108
<i>Книжные новинки и отзывы.....</i>	109-112
<i>Информация.....</i>	113-118
<i>Приложения.....</i>	119-122
<i>Поздравления.....</i>	123-127

Уважаемые Коллеги, Друзья, Ученики!

Сердечно благодарю всех Вас за присланные поздравления и награды! Для меня нет более высокой награды, чем ваше отношение ко мне лично, моему скромному труду и бескорыстная дружба. Я трепетно отношусь к этим ценностям. Для меня всё это дорого и бесценно! Низкий поклон Вам!

Вам же желаю только удачи!
Много любви! Как же иначе?!
Будьте здоровы, будьте любимы,
Будьте единственны, неповторимы!
Много улыбок — от них хорошеют,
Мало обид — от них сердце черствеет.
В доме — уют, тепла и добра,
И чтобы жизнь вам в радость была!

Всегда к вашим услугам, с уважением – Ю. А. Клейберг.

Итак, журнал «Вопросы девиантологии» продолжает публиковать статьи участников **III-го Международного Конгресса девиантологов «Девиантология XXI столетия»**, который прошел 11 января 2023 года в Твери на базе Академии Национального образования и науки, а также поступающие поздравления коллег, друзей и учеников.

Поскольку проведение Международного Конгресса девиантологов стало *традиционным полилогом научного сообщества*, можно смело констатировать: форум стал, по сути, открытой дискуссионной платформой не только для авторитетных и маститых ученых, но и для равнодушных практиков, а также для пытливых молодых ученых, аспирантов и магистрантов. Примером тому является широкий спектр вопросов и проблем, поднятых участниками Конгресса, связанных с исследованием и развитием различных аспектов девиантологической науки.

Радует и то обстоятельство, что президент Российской Федерации В.В.Путин обратил внимание на психологов и психотерапевтов, сказав следующее: **«Востребованная специальность... В целом востребованная. В мире востребованная. Ну и для России тоже. Темп жизни меняется. Он становится мощным, быстрым. Все бежит перед глазами. Человек нуждается часто в**

поддержке. Особенно таких специалистов, как вы [Цитата по: «Российская газета», 22 декабря 2022 г.].

Разумеется, мы не ставили перед собой цель дать исчерпывающие ответы на все вызовы, кризисы и риски, возникающие и циркулирующие в обществе XXI столетия, или даже освещение всех проблем современной девиантологической наукой. Радует также и то, что работа в этом направлении, как показывают материалы участников Конгресса, не прерывается, она продолжается, и, надеюсь, будет интересной как для самих ученых, так и для практикующих девиантологов (психологов, криминологов, медиков, педагогов и др.), а также для специалистов министерств, управлений, комитетов, фондов, волонтерских движений и др. Уверен также, что опубликованные материалы в наших журналах и коллективной монографии, послужат хорошей основой в подготовке специалистов социномических профессий в вузах и колледжах, а также в системе повышения квалификации и постдипломного образования.

Как и прежде, заверяю, что мы по-прежнему открыты для всех, кто неравнодушен к девиантологической и криминологической проблематике, кто хочет проявить себя в науке. Приглашаем ученых и практиков, молодых ученых, пытливого студенчество, ориентированных на девиантологическую науку, к активному сотрудничеству.

Мы ждем ваши статьи, уважаемые коллеги и друзья!

Будем работать дальше, будем работать вместе! Наш караван науки всегда в пути!

С уважением –
Ю. А. КЛЕЙБЕРГ,
лауреат Государственной премии Правительства
Российской Федерации в области образования и науки,
профессор

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ
И СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ**

Г. И. Колесникова
(Донецк, ДНР, Россия)

Информация об авторе: КОЛЕСНИКОВА Галина Ивановна, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор (Doctor of Science, Honoris Causa), профессор кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского. <http://orcid.org/0000-0002-4760-9839>; SPIN-код 5044-8598; AuthorID 630278; Гугл Школяр ID Cg9JEEAAAAJ. E-mail: galina_ivanovna@kolesnikova.red

Аннотация статьи. Статья посвящена рассмотрению девиантного поведения в нетрадиционном ракурсе – его экзистенциальном значении в развитии и становлении личности. Указывается, что само возникновение девиации является показателем наличия творческого потенциала, приобретшего искажение в результате неправильного воспитания и общего неблагополучия социального окружения в котором находится ребенок/подросток/взрослый. Предлагается в качестве профилактики применять методы, направленные на активизацию и раскрытие творческого потенциала традиционно относимые к психотерапии, адаптировав их к новым задачам.

Ключевые слова: девиация, девиантное поведение, личность, творчество, терапия, развитие.

**EXISTENTIAL MEANING OF DEVIANT BEHAVIOR:
SIGNIFICANCE IN DEVELOPMENT AND FORMATION OF
PERSONALITY**

Professor Galina I. Kolesnikova
(Donetsk, DPR, Russia)

Abstract. The article is devoted to the consideration of deviant behavior in an unconventional perspective - its existential significance in the development and formation of a personality. It is indicated that the very occurrence of deviation is an indicator of the presence of a creative potential that has become distorted because of improper upbringing and the general ill-being of the social environment in which the child/adolescent/adult is located. It is proposed as a preventive measure to apply methods aimed at activating and revealing the creative potential traditionally attributed to clinical psychotherapy, adapting them to new tasks.

Keywords: deviation, deviant behavior, personality, creativity, therapy, development.

Введение. Традиционна трактовка девиантного поведения как некоего сбоя в программе социализации и, как следствие, необходимости срочного принятия мер по его ликвидации (к счастью, пока, пресловутого сбоя, а не человека, который его демонстрирует). При таком подходе неизбежно упускается сам процесс экзистенциального развития, его суть и значение. Соответственно, цель данного исследования – рассмотреть этот феномен (имеется ввиду девиантное поведение) в несколько ином ракурсе, отличным от традиционного, а именно: его сакральное значение в развитии и становлении личности. Безусловно, автор отдаёт себе отчет в том, что в данном направлении есть не мало работ, однако, все они, в большинстве, относятся к XX столетию и достаточно мозаичны [Грофф, 1994; Левицкий, 2003, Маслоу, 1998; Небылицыне, 1996; Пауэлл, 1998; Уолесс, 1997; Франкл; Хаббек, 1997; Шадриков, 1996; Юнг, 1997; Ялом, 1999].

Исследовательские задачи, логически следующие из формулировки цели, включают в себя: (1) анализ сакрального смысла девиантного поведения; (2) рассмотрение значения девиантного поведения в контексте развития и становления личности.

Методологической базой, исходя из цели и задач исследования, стали теоретические положения Ганнушкина [Ганнушкин, 1933] о «жизненной компенсации психопатов и мягких шизофреников и эпилептиков», концепция Кречмера [Кречмер, 1923. Цит. по: URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/71>] о «созидании личности по ее

конституциональным основным законам и активностям», а также основные положения теории терапии творческим самовыражением М.Е. Бурно [Бурно, 2006, 2012] и философии творчества [По Эдгар, 1845].

Результаты. Если решение не может быть найдено в одной плоскости, то надо перейти в другую и тогда решение будет найдено легко. Этот тезис, как правило, используется при решении физико-математических и технических задач, однако, нет ни одной причины не применить его и при рассмотрении девиантного поведения. Надо выйти за границы, посмотреть извне и то, что казалось неразрешимым решиться легко и просто. Именно это мы и сделаем, начав с ретроспекции.

В Древнем Египте человек мыслился состоящим из девять сущностей. Высшая божественная сущность назвалась словом «Ах». А звездное небо, которое тогда представлялось как состоящее из этих вечных сущностей – Ах-ах. Одна из данных девяти сущностей символизировала материальное тело, изображалась рыбой и имела имя Хат. Другая – духовную сущность (душа) – Ба изображалась птицей. Примерно о том же, но несколько в иной терминологии (энтелехия/душа, имеющая три части растительную, животную, разумную/божественную, являющаяся жизненным началом тела, движущая и использующая его как свое орудие) писал Аристотель, утверждая, что вся жизнь проходит в противоборстве между животной/материальной сущностью и божественной/разумной/духовной и в зависимости от того, какой выбор сделает человек, он выполнит свое предназначение или нет. И это важно. Поскольку пространство между небом и землей населено духами, которые не выполнили свое предназначение и поэтому не могут взойти на небо. ... Возможно здесь и кроется смысл появления девиации (лат. deviation — отклонение) – сигнала, что идущий сбился с Пути, с пути своего экзистенциального развития. Другой интересный момент: Христа изображали в виде рыбы, а глубинный символизм рыбы – материальное: духовное в материальном, материальное – в духовном.... И как не вспомнить притчу с лейтмотивом о том, что мир не такой, как кажется... Но, с другой стороны,

И.Павлов в 1914 году на собрании психиатров и психофизиологов, читая доклад «Рефлекс цели», указал следующее: на бессознательном уровне человек принимает решение, а потом, бессознательно, выстраивает жизнь, исходя из этого решения, фактически подчиняя свою жизнь ему до момента осуществления. То есть, если мы говорим о человеке, то получается, что его будущее есть результат бессознательного рефлекса цели. Но, если исходить из принципа «как внизу, так и вверху» Гермеса Трисмегирийского, то будущее общества тоже может быть результатом некоего рефлекса цели, предзаданного будущего, к которому мы должны прийти, но все не приходим, бесконечно «сбрасывая» все и начинать заново через периодически происходящие апокалипсисы, которые переживает человечество каждые три-четыре века, каждый раз начиная все заново. В частности, об этом писал в своей книге «Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850» Джек Голдстоун (англ. Jack Goldstone – американский социолог, директор Центра мировой политики при университете Джорджа Мейсена).

И это удивительным образом коррелируется с моей идеалистической идеей о некоем высшем замысле по созданию на полотне Вселенной прекрасного узора из мозаики душ человеческих, достигших совершенства, и однажды этот узор обретет свое завершение, ибо, как писал Платон, смысл человеческой жизни не в спасении и существовании, как это думает толпа, а в достижении совершенства и пребывании в нем. И, непостижимым образом это согласуется с игрой, описанной Германом Гессе (нем. Hermann Hesse) в начале романа «Игра в бисер»: создание тончайшего узора, требующее времени, интеллекта, эстетизма, но после окончания тут же стирающегося, потому что истинно прекрасное – оно ни для чего, оно просто так. Жизнь – есть импровизация, а импровизация – высшее произведение искусства [Колесникова, 2021]. Однако в современном мире эстетическое отношение к жизни активно перекодируют на потребительство и на этом фоне Гесиод, писавший больше не о телесности, а о нравах людей, живущих в разных

эпохах, появляется в несколько неожиданной для него роли – роли Пророка, указующего и предрекающего:

*«...Создали прежде всего поколение людей золотое //
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских. //
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба. //
Жили те люди... горя не зная, не зная трудов. И печальная старость //
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны //
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили. //
А умирали, как будто объятые сном" (109 и сл.) ...
... Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя
И от несчастья. Заботы тяжелые боги дадут им.
[Все же ко всем этим бедам примешены будут и блага.
180 Зевс поколение людей говорящих погубит и это,
После того как на свет они станут рождаться седыми.]
Дети √ с отцами, с детьми √ их отцы сговориться не смогут,
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю √ хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанье родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
190 И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвозащититель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно клянясь.
Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
200 Совесть и стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От Зла избавленья не будет»*

[Цит. по: URL: <https://nrozov.nsu.ru/rpha/lib/hesiod.htm>].

Однако зло это не только действие, но действие, сопровождаемое определенной мотивацией, так как деятельность личности есть актуализация

во вне мотивов, отражающих, в свою очередь, доминирующие в конкретный момент деятельности убеждение и потребность. При этом на формирование мотивации действия/деятельности влияет ряд факторов в число, которых входят интеллектуальный, моральный и волевой уровни развития личности плюс совокупность внешних стимулов, а также прошлый опыт. Однако именно мотивация представляет собой ключ не только к пониманию сути личности, но и управлению ее поведением. Наглядно это представлено в формуле деятельности, в которой взаимосвязь выделенных параметров в их структурной последовательности, представлена в виде **формулы мотивационной активности личности**: « $S \rightarrow M \rightarrow P \rightarrow D = C/R$, где S - стимулы (то, что запускает механизм деятельности), M - мотивация (активизация причин исходя из которых люди предпринимают усилия для осуществления деятельности), P - доминирующая потребность (та потребность на которую направлен стимул), D - собственно деятельность, C/R - результативность (масштабы достижения цели (C - цель, R -результат) деятельности (D))» [Колесникова, 2016, с..23]. При этом нельзя отрицать и тот факт, что «... Одной из задач психологической науки и практики является создание условий и нахождение способов примирения внутреннего мира человека с его внешним миром. Оба эти мира обладают неопределенностью» [Клейберг, 2015].

Однако одной из особенностей психически и психологически здоровой и полноценной личности является как раз не только устойчивость к неопределенности, но и способность импровизировать в подобных ситуациях. Это можно рассматривать и как вариант проявления творческого потенциала, когда личность может противостоять «другим» /внешнему окружению сохраняя верность своим убеждениям. Именно в воспитании такой самодостаточной, творческой и саморазвивающейся личности и состоит задача родителей через создание безопасной ситуации развития и условий для раскрытия творческого потенциала ребенка/подростка/юноши, способствуя, тем самым, запуску процесса «развития личности, который носит динамичный

характер, актуализируя поведение личности и делая этот процесс творческо-преобразующим в плане самопознания, самореализации, а значит, – использующий различные формы психологической защиты для преодоления когнитивного диссонанса и фрустрационной напряженности в ситуациях неопределенности на уровне нравственных и ценностных ориентиров и норм» [Клейберг, 2015].

В данном контексте роль семьи и в современных условиях не потеряла своей значимости, так как среди факторов социализации семья по-прежнему является наиболее значимым, в большей степени оказывая влияние на формирование личности ребенка/подростка/юноши и его место в социуме. Решающими в этом оказываются эмоциональный тон семейных взаимоотношений и преобладающий в семье тип контроля и дисциплины. Под эмоциональным тоном семейных отношений мы предлагаем понимать субъективную сторону отражения объективной реальности каждого из членов семьи, находящую свое выражение в результате взаимодействия, которое обусловлено осознаваемыми и неосознаваемыми чувствами и эмоциями отдельных субъектов, и эмоциями, и чувствами, возникающими в процессе взаимодействия. Следовательно, преобладание положительных чувств и эмоций, как выражаемых в процессе взаимодействия, так и возникающих в результате его, позволяет говорить о положительном эмоциональном фоне. И наоборот.

Представленный подобным образом результат взаимодействия, по своей сути, являясь некой суммой всех перечисленных составляющих, в свою очередь, определяет, как дальнейшее направление межличностных взаимоотношений, так и направление развития личности каждого отдельного субъекта взаимодействия. В понятие «тип контроля и дисциплины» мы вкладываем традиционное представление о системе поощрений и наказаний, осуществляемую родителями или лицами, их заменяющими в процессе воспитания. Разумеется, оба эти понятия связаны друг с другом, и по одному, с большой долей вероятности, возможно сделать предположение о другом.

Данные составляющие влияют на то место, которое занимает человек в ближнем окружении и социуме. То есть, наиболее благоприятные условия для формирования и развития ребенка/подростка/юноши в семье включают в себя следующие составляющие: культивирование в семье атмосферы теплоты, заботы, взаимной поддержки; помощь детям в осмыслении их переживаний; сосредоточение внимания на поддержании и одобрении положительного поведения, а не на устранении нежелательного; предъявление разумных требований, соответствующих психологическому возрасту ребенка и настаивание на их выполнении; избегание в процессе воспитания силовых методов (как вербальных, так и физических); использование индуктивных методов (объяснение, убеждение) для освоения и осознания детьми правил социума [Колесникова, 2009].

Эти данные были получены в результате констатирующего эксперимента по исследованию взаимосвязи между стилем воспитания в семье и статусом подростка внутри группы, в процессе которого были использованы методики PARI Е.С. Шефера (parental attitude research instrument – родительского отношения, стиля семейного воспитания), Т. Лири (изучения типа межличностных отношений подростков) и Дж. Морено (эмоционально-личностные взаимоотношения в группе). Но, несмотря на то, что значение родителей и, особенно значимого взрослого, всегда особо подчеркивалось в психотерапии, не зависимо от возраста (детей, подростков, взрослых), выбор всегда за личностью. Подтверждением этого тезиса могут служить многочисленные примеры жизни людей из неблагополучных семей, достигавших благополучия, хотя само это понятие в современном мире практически исчезло, а если и применяется, то наполненное содержанием, уводящим все дальше от его изначального, истинного смысла, так как благополучие, изначально понимаемое как единство духовного и жизни в социуме [Колесникова, 2022], подменяется социальными достижениями в виде славы, богатства, престижа – этими погремушками невротиков с низкой самооценкой, не ощущающих себя достойными любви и уважения, и в

качестве дополнения окружающих себя, мирской мишурой. Подобное поведение, на наш взгляд, можно отнести к девиантному, дав ему название, например, псевдосоциальное поведение.

Предположительно в его основе лежит не раскрытый, а, часто, и не осознаваемый девиантом творческий потенциал. Косвенным подтверждением данной гипотезы может служить исследование Дина Симонтона (Dean Keith Simonton), выделившего семь базовых векторов творческой личности. Сопоставление данных векторов с особенностями поведения девиантов аддиктивного типа однозначно указывает на их сходство в некоторых аспектах, а также всплеск творческой активности у бывших девиантов и их значимых близких.

Векторы творческой личности и девиантов аддиктивного типа

[Колесникова, 2019]

<i>№</i>	<i>Творческие личности</i>	<i>Девианты аддиктивного типа</i>
1.	Независимость взглядов, неконформность суждений	Некомформность, нестандартность поведения и суждений вследствие скрытого комплекса неполноценности
2.	Стремление «нарушать границы», оригинальность и нестандартность	«Жажда острых ощущений», необычных переживаний, склонность к риску и эпатажности
3.	Открытость всему новому и необычному	Жажда новых и необычных удовольствий
4.	Устойчивость к неопределенным ситуациям	Хорошая переносимость кризисных ситуаций сочетается с низким уровнем адаптивности к ситуациям обыденным
5.	Конструктивная активность в предметной деятельности	Высокий уровень активности в сфере девиантных интересов
6.	Сила «Я» связана с возможностью автономного функционирования и устойчивостью к давлению социума	Независимость в недевиантных сферах деятельности сочетается с зависимостью в сфере аддикции и стремлением обвинять окружающих в своих трудностях и неудачах
7.	Чувственность к красоте в широком смысле слова	–
8.	–	Внешняя социабельность сочетается со страхом перед

		стойкими контактами
9.	–	Стремление уходить от ответственности
10.	–	Стремление говорить неправду (сочетание лжи и фантазий)
11.	–	Тревожность

В качестве профилактики девиантного поведения возможно применять методы, направленные на активизацию и раскрытие творческого потенциала и традиционно относимые к клинической психотерапии, например, терапию творческим самовыражением (ТТС) М.Е. Бурно [Бурно, 2006] или глубинную сказкотерапию [Колесникова, 2011] или работу со сновидениями по авторским методикам Г.И. Колесниковой [Колесникова, 2005], естественно, вначале адаптировав их к новым задачам.

Выводы

Сакральный смысл девиантного поведения заключается в том, что оно в социуме играет роль «лакмусовой бумажки», проявляя состояние психологического неблагополучия, которое, часто, является следствием скрытого и/или нереализуемого творческого потенциала, что, вызывает чувство неудовлетворения, и проявляется во вне в виде девиации.

Значение девиантного поведения в развитии и становлении личности заключается, на наш взгляд, в актуализации формирования критического и рефлексивного мышления, самоанализа, мужества [Колесникова, 2022]. Естественно, в зависимости от типа личности и специфики среды, нельзя недооценивать важность квалифицированной помощи, однако, она должна быть направлена не на ликвидацию девиации как таковой, а ее инициацию, то есть, перевод на новый качественный уровень творческого самовыражения, поскольку собственно девиацию можно рассматривать как искажение творческого потенциала личности.

Предполагается, что в данном контексте наиболее эффективными будут методы, направленные на активизацию и раскрытие творческого потенциала,

традиционно относимые к психотерапии, вначале, естественно, адаптированные к новым задачам.

Список литературы

1. Бурно М.Е. Клиническая психотерапия. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 800 с.
2. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением (отечественный клинический психотерапевтический метод). — 4-е изд. — М.: Академический проект, Альма Матер, 2012. — 487 с.
3. Бурно М.Е. Беседы с Вольфгангом Кречмером. — М.: Консультативная психология и психотерапия, 1993.
4. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. — М. «Север», 1933. // П. Б. Ганнушкин. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. — Н. Новгород; Изд-во НГМД, 1998. — 128 с.
5. Гесиод Легенда о веках. URL: <https://nrozov.nsu.ru/rpha/lib/hesiod.htm>
6. Грофф С. Путешествие в поисках себя / Пер. англ. — М., 1994; Левицкий С.А. Свобода и ответственность: основы органического мировоззрения. — М., 2003.
7. Клейберг Ю.А. Неопределенность самоидентичности: девантологический конструкт // Пензенский психологический вестник. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-samoidentichnosti-devantologicheskij-konstrukht> (дата обращения: 13.12.2022).
8. Колесникова Г.И. Гармония бытия // Миф. Общество. Реальность / коллективная монография по материалам 2-ой Международной конференции в рамках научно-просветительского проекта «Философская осень – 2022: возрождение традиций», 1-3 ноября 2022, г. Донецк, ДНР, РФ. - Москва: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2022. - 146 с. – С. 6 - 42. – С. 29, 31,36, 40-41.
9. Колесникова Г.И. Жизнь как вид искусства / Человек. Земля. Вселенная/коллективная монография по материалам I -ой Международной конференции «Философская осень – 2021: возрождение традиций», 15-16 сентября 2021, г. Донецк, ДНР. - Москва: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2022. – 129 с. – С. 54 – 116.
10. Колесникова Г.И. Концепт «творчество», структура творческого процесса, творческая личность – экофилософские основания гармонического единства современного мира// Философия творчества: теоретико-методологические и практические аспекты: коллективная монография / отв. научный ред. Г.И. Колесникова. – Москва: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2021. - 326 с.- С.8- 53.
11. Колесникова Г.И. Понятие и формула счастья: исторические и современные критерии // Философские науки. 2020; 63(12):68-80. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-12-68-80> URL: <https://disk.yandex.ru/i/U11K9PQLAt4VRA>

-
-
12. Колесникова Г.И. Девиантология. Учебник и практикум. - Москва, 2019. – 175 с. - Сер. 76. Высшее образование (2-е изд., пер. и доп.).
 13. Колесникова Г.И. Структура личности как субъекта исследовательской деятельности // Гуманизация образования. 2016. № 6. С. 20-25.
 14. Колесникова Г.И. Глубинная сказкотерапия // *Nastoleni moderni vedy*, 2011: Международная научно-практическая конференция. - Прага: ИД «Образование и наука», 2011.
 15. Колесникова Г.И. Психокоррекция нарушений развития: учебное пособие для студентов ВУЗов. - Ростов-на-Дону, 2009. – 345 с.
 16. Колесникова Г.И. Гармонизация иррациональных составляющих личности в процессе социальной индивидуации: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Рост. гос. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2005. - 187 с.
 17. Кречмер Э. (1923). Истерия, рефлекс и инстинкт. URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/71>
 18. Маслоу А. Самоактуализация // Психология человеческих проблем / Сост. К.В.Сельченко. – Минск: Харвест, 1998. – 448с. – С. 20-34.
 19. Небылицин В.Д. Новое представление о структуре эмоциональности // Жизнь и научное творчество. – М., 1996.
 20. Пауэлл Дж. Полнота человеческой жизни // Психология человеческих проблем. – Минск, 1998.
 21. По Эдгар. Философия творчества. Перевод Андриевского С. А. Оригинал: англ. *The Philosophy of Composition, 1846*. — Перевод опубл.: 1878. Источник: Вестник Европы. Журнал истории-политики-литературы. Тринадцатый год. Том II. - Санкт-Петербург. 1878. Март. С. 110—120.
 22. Уолесс Грэхем. Движение в воображаемом пространстве / Пер. с англ. - М., 1997.
 23. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия. - М., 1987.
 24. Хаббек Джудит. Символическая позиция в психотерапии / Пер. с англ. - М., 1997.
 25. Шадриков В.Д. Духовные способности. - М.: Магистр, 1996.
 26. Юнг К. Человек и его символы. – М., 1997.
 27. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. - М., 1999.

References

1. Burno M.E. *Clinical psychotherapy*. - М.: Academic Project; Yekaterinburg: Business book, 2006. - 800 p.
2. Burno M.E. *Therapy with creative self-expression (domestic clinical psychotherapeutic method)*. - 4th ed. - М.: Academic project, Alma Mater, 2012. - 487 p.
3. Burno M.E. *Conversations with Wolfgang Kretschmer*. - М.: Consultative psychology and psychotherapy, 1993.
4. Gannushkin P. B. *Clinic of psychopathy, their statics, dynamics, systematics*. - М. "North", 1933. // P. B. Gannushkin. *Clinic of psychopathy, their*

statics, dynamics, systematics. - N. Novgorod; NGMD Publishing House, 1998. - 128 p.

5. Hesiod Legend of the ages. URL: <https://nrozov.nsu.ru/rpha/lib/hesiod.htm>

6. Groff S. Journey in search of yourself / Per. English - M., 1994; Levitsky S.A. Freedom and responsibility: the foundations of an organic worldview. - M., 2003.

7. Kleyberg Yu. A. Uncertainty of self-identity: a devantological construct // Penza Psychological Bulletin. 2015. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-samoidentichnosti-devantologicheskiiy-konstruktsiya> (date of access: 12/13/2022).

8. Kolesnikova G.I. Harmony of being // Myth. Society. Reality / collective monograph based on the materials of the 2nd International Conference within the framework of the scientific and educational project "Philosophical Autumn - 2022: Revival of Traditions", November 1-3, 2022, Donetsk, DPR, RF. - Moscow: ANO CEMI, Archon, 2022. - 146 p. - P. 6 - 42. - P. 29, 31.36, 40-41.

9. Kolesnikova G.I. Life as an art form / Man. Earth. Universe/collective monograph based on the materials of the I International Conference "Philosophical Autumn - 2021: Revival of Traditions", September 15-16, 2021, Donetsk, DPR. - Moscow: ANO CEMI, Archon, 2022. - 129 p. - S. 54 - 116.

10. Kolesnikova G.I. The concept of "creativity", the structure of the creative process, creative personality - eco-philosophical foundations of the harmonious unity of the modern world // Philosophy of creativity: theoretical, methodological and practical aspects: collective monograph / ed. scientific ed. G.I. Kolesnikov. - Moscow: ANO CEMI, Archon, 2021. - 326 p. - P.8-53.

11. Kolesnikova G.I. The concept and formula of happiness: historical and modern criteria // Philosophical sciences. 2020; 63(12):68-80. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-12-68-80> URL: <https://disk.yandex.ru/i/U11K9PQLAt4VRA>

12. Kolesnikova G.I. Deviantology. Textbook and practice. - Moscow, 2019. - 175 p. - Ser. 76. Higher education (2nd ed., translated and added).

13. Kolesnikova G.I. The structure of personality as a subject of research activity // Humanization of education. 2016. No. 6. S. 20-25.

14. Kolesnikova G.I. Deep fairy tale therapy // Nastoleni moderni vedy, 2011: International scientific and practical conference. - Prague: Publishing House "Education and Science", 2011.

15. Kolesnikova G.I. Psychocorrection of developmental disorders: a textbook for university students. - Rostov-on-Don, 2009. - 345 p.

16. Kolesnikova G.I. Harmonization of irrational components of personality in the process of social individuation: dis. ... candidate of philosophical sciences: 09.00.11 / Growth. State un-t. - Rostov-on-Don, 2005. - 187 p.

17. Kretschmer E. (1923). Hysteria, reflex and instinct. URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/53/book/71>

18. Maslow A. Self-actualization // Psychology of human problems / Comp. K.V. Selchenok. - Minsk: Harvest, 1998. - 448 p. - S. 20-34.

-
-
19. Nebylitsin V.D. A new idea of the structure of emotionality // Life and scientific work. - M., 1996.
 20. Powell J. The fullness of human life //Psychology of human problems. – Minsk, 1998.
 21. Po Edgar. Philosophy of creativity. Translation by Andrievsky S. A. Original: English. The Philosophy of Composition, 1846. - Translation published 1878. Source: Vestnik Evropy. Journal of History-Politics-Literature. Thirteenth year. Volume II. - St. Petersburg. 1878. March. pp. 110-120.
 22. Wallace Graham. Movement in an imaginary space / Per. from English. - M., 1997.
 23. Frankl V. Search for the meaning of life and logotherapy. - M., 1987.
 24. Hubback Judith. Symbolic position in psychotherapy / Per. from English. - M., 1997.
 25. Shadrikov V.D. Spiritual abilities. - M.: Master, 1996.
 26. Jung K. Man and his symbols. - M., 1997.
 27. Yalom I. Existential psychotherapy. - M., 1999.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ФОРМИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЦИФРОВАЯ ЮВЕНАЛЬНАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЯ»

Ю. А. Клейберг

(Академия Национального образования и науки. Тверь, Россия)

Информация об авторе: *КЛЕЙБЕРГ Юрий Александрович*, лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования и науки, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, основатель и президент Академии Национального образования и науки, Международной Ассоциации девиантологов и Международной академии ювенологии. Учредитель и главный редактор научного журнала «Вопросы девиантологии» (еРИНЦ, ISSN) (Тверь, Россия); e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru; идентификатор ORCID: 0000-0001-6757-0102.

Аннотация. Статья посвящена ценностно-смысловым проблемам образования в эпоху цифровизации. Указывается, что процесс тотальной цифровизации институтов российского общества неизбежно трансформирует и систему образования, оказывая огромное влияние на формирование и развитие человеческого потенциала, разрушая культурный код нации. Используя дискурс-анализ, исследуется концепт «цифровизация образования», дается характеристика современному цифровому образовательному пространству, выделены выгоды, вызовы и риски, достоинства и деструктивность цифровизации российского образования. Анализируются вызовы и риски, а также позитивное и деструктивное влияние цифровизации на сознание и поведение юной личности. Автором институционализируется конструкт «цифровая ювенальная девиантология».

Ключевые слова: образование, цифровизация, цифровая ювенальная девиантология, вызовы и риски.

TO THE QUESTION ABOUT DIGITAL JUVENILE DEVIANTOLOGIES

(Article 6)

Professor Yury A. Kleyberg
(Tver, Russia)

Annotation. The article is devoted to the value-semantic problems of education in the era of digitalization. It is indicated that the process of total digitalization of the institutions of Russian society will inevitably transform the education system, having a huge impact on the formation and development of human potential, destroying the cultural code of the nation. Using discourse analysis, the concept of "digitalization of education" is explored, a characteristic of the modern digital educational space is given, and the benefits, challenges and risks, advantages and destructiveness of the digitalization of Russian education are highlighted. The challenges and risks are analyzed, as well as the positive and destructive impact of digitalization on the consciousness and behavior of a young person. The author institutionalizes the construct "digital juvenile deviantology".

Keywords: education, digitalization, digital juvenile deviantology, challenges and risks.

Введение в проблему.

Современный мир непрерывно изменяется. Сегодня ни у кого нет иллюзий о том, что современный мир ожидает тотальная цифровизация всех сторон жизнедеятельности общества, ориентированная на новую систему взаимоотношений, основанных на высоких технологиях. Уже сегодня не только на слуху, но и в реальности такие конструкты, как «дистанционное образование», «цифровое пространство», «электронное голосование», «цифровая экономика» и др. Можно констатировать, что от перевода в онлайн-режим зависит судьба многих предприятий, компаний и т.п., особенно в сфере услуг. А для граждан цифровизация стала вопросом выживания.

Цифровизация (диджитализация – digitalization) относительно недавно вошла в профессиональный и научный тезаурус, поэтому общепринятое определение этого конструкта пока не сложилось ни в научной литературе, ни в государственных документах, ни в деловой среде. Одно, пожалуй, понятно, что понятие «цифровизация» многогранно и может трактоваться широко. Оно формируется как обобщение довольно большого многообразия явлений, а конкретный смысл в значительной степени зависит от контекста употребления понятия. К примеру, как отмечает авторский коллектив под руководством П.Б. Рудника (2021), «цифровизация производственного предприятия затрагивает производственные, вспомогательные и управленческие процессы;

в экономике – обеспечивает новые способы взаимодействия между контрагентами; в социальной системе (обществе) – порождает новые форматы коммуникации для решения целого спектра задач» [23, с.11].

В настоящее время мир вступил в эпоху четвертой промышленной революции Industry 4.0 и шестого технологического уклада (Клаус Шваб, 2016): происходит слияние технологий, грани между физическими, цифровыми и биологическими сферами стираются [4], что накладывает особенные условия на осуществление большинства видов деятельности [19], в том числе и на цифровую активность подростков и молодежи.

Совершенно очевидно, что в реальной ситуации первых двух десятилетий XXI века ключевыми ресурсами является актуальная достоверная информация, включая способность личности концентрировать информацию, анализировать и умело (эффективно) ее использовать.

Не вызывает сомнений и тот факт, что модернизация цифровой среды и появление роботов с их линейной логикой и шаблонным поведением на производстве конечно же даст стимул развитию мировой экономики, но в разы увеличит и обострит социальное неравенство (social inequality), социальную исключенность (social exclusion) и вызовет множество психологических проблем, связанных с гармонизацией развития и реализацией личностных потенциалов.

Ни для кого не секрет, что серьезную долю российской интернет-аудитории составляют дети, подростки и молодежь. Юная категория «оцифрованных» граждан, с одной стороны, являются активными носителями и манифестантами интернет-обусловленного протестного поведения, а с другой – испытывают на себе влияние наибольшего числа рисков и манипуляций в процессе интернет-коммуникаций.

Исходя из современных реалий и опыта, мною впервые вводится в научный оборот конструкт «*цифровая ювенальная девиантология*» («*digital juvenal deviantology*»). Но обозначить и ввести в научный тезаурус какое-либо

понятие – дело не сложное. Гораздо сложнее и ответственнее – методологически обосновать это понятие.

Как было нами ранее сказано [8; 9], девиантологическая наука с точки зрения онтологии выступает сегодня в виде социального куматоида (от греч. *kuma* – волна) – волнообразных форм организации научного познания и образцов продуктов науки. Анализируя различные научные направления, подходы и теории, с помощью которых изучаются феномены девиаций, девиантного поведения в тандеме с цифровизацией и ювенальной девиантологией, мы задаем тем самым основное содержание новому направлению знания – цифровой ювенальной девиантологии как социального куматоида.

Методологически обосновывая конструкт «цифровая ювенальная девиантология», мы ориентируемся, прежде всего, на то знание, которое дает возможность понять генезис, первопричинность девиантного поведения юной личности. Замечу здесь, что уже у эмбриона закладывается некая программа, индивидуальные свойства, развивая которые, личность может эту программу не только максимально реализовать, но и эффективно развивать и совершенствовать. Успешная реализация данной программы вызывает чувство удовлетворения жизнью, наполняет ее смыслом и порождает новую мотивацию. Напротив, при неуспешной реализации программы личность испытывает дискомфорт, неудовлетворенность, дисфункциональные состояния, деструкции, болезни и др.

Следует сказать, что формированию современного направления науки о детях, подростках и молодежи – *цифровой ювенальной девиантологии* – в России в конце XX века способствовали внешние социальные и внутринаучным факторы развития познавательных процессов. К социальным факторам относятся сложность и динамичность современных преобразований общественной жизни, будущее которой во многом определится качеством молодого поколения. Основным внутринаучным фактором становления цифровой ювенальной

девиантологии выступает когнитивная составляющая – диалектика познания.

Современное познание на пороге третьего тысячелетия вновь характеризуется интеграционными процессами, возвращением целостности представлений о мире, но уже на новой научной основе — комплексном и междисциплинарном знании. Поэтому появление цифровой ювенальной девиантологии обусловлено объективно, как результат интеграционных процессов современного научного знания, проявившихся достаточно рельефно в последние десятилетия, а также как итог исследовательского поиска (последних сорока лет) в области изучения разнообразных проблем подрастающего поколения – детей, подростков и молодежи.

Конструкт «специальное знание» представляется мне в трех ипостасях: во-первых, это базисные знания науки, имеющие теоретическую основу, которая необходима для понимания природы (позитивной и деструктивной) социальных явлений, их свойств; во-вторых, эти знания должны быть приобретены личностью в ходе специальной подготовки; в-третьих, обладатель и транслятор этих знаний должен иметь не только теоретическую и специальную подготовку, но и практические навыки по применению своих знаний в реальных ситуациях девиантологической практики.

Цифровая ювенальная девиантология представляет собой новое специальное, комплексное междисциплинарное знание о развитии молодого поколения в диалектическом единстве социального, духовного и биологического начал в ситуациях личностной неопределенности, нарушенной идентификации, девиантогенной социализации молодежной популяции, обусловленной тотальной цифровизацией общественного развития.

Итак, сама ювенальная девиантология – прикладная область научного знания, предметом изучения которой являются закономерности и механизмы психики несовершеннолетних, включенных в специфическую область

общественных отношений, регулируемых социальными нормами – права, морали, культуры и др. [11, с.133], а цифровая ювенальная девиантология – это самостоятельное социально-психолого-правовое направление девиантологической науки о влиянии внешних (цифровизация) и внутренних (зависимость) факторов на сознание юной личности, приводящие к стойкой дезадаптации, нарушению процесса социализации и персонализации, одиночеству, болезненной зависимости, депрессии и др.

Таким образом, представленный нами абрис цифровой ювенальной девиантологии с онтологических и эпистемологических позиций, безусловно, нуждается в теоретической корректировке, эмпирической апробации и верификации. Однако даже в таком виде абрис цифровой ювенальной девиантологии открывает дальнейшую возможность ее институционализации, а исследовательские данные этого направления науки приобретут общезначимый характер, что, несомненно, будет способствовать появлению новых теоретических подходов, концепций и парадигм, подкрепленных полезными эмпирическими исследованиями.

Ad hoc замечу, что целенаправленное движение к цифровому обществу – процесс, не только прогрессивный, неизбежный и неотвратимый, но и противоречивый. *С одной стороны*, он стимулирует развитие общества и появление новых технологий и может характеризоваться как позитивный процесс. Как отмечает Ю.Ю. Комлев (2022), к несомненным плюсам цифровизации общества относят: практически неограниченные возможности для удаленного общения, для самовыражения и саморазвития личности, для развлечений и обучения при чтении, просмотре и прослушивании контента. Колоссальные возможности он создает для использования рекламы в продвижении бизнеса, организации интернет-торговли и других форм заработка, создания или получения множества цифровых услуг. Кроме того, цифровизация разнообразит формы индивидуализации и самореализации цифровых пользователей, лучше обеспечивает права человека на свободу выражения мнений и свободу получения информации [10, с. 21].

Однако с другой стороны, цифровизация создает серьезные социально-психологические проблем, особенно для подрастающих поколений. Девиантологи, психологи, социологи и криминологи уже сейчас бьют тревогу о надвигающихся негативных, по своей сути – деструктивных социальных и психологических последствиях, которые являются следствием очередного массивного технологического прессинга на сознание и поведение юной личности. Ю.Ю. Комлев также отмечает, что среди них на первое место выходит феномен «цифрового социального неравенства», характеризующийся разрывом тесситуры образования и воспитания между людьми (особенно в обладании цифровыми компетенциями), в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. Цифровое социальное неравенство служит новым индикатором для обозначения взаимосвязи социального неблагополучия определенных групп с отсутствием доступа к цифровым технологиям. Эта проблема актуальна для представителей бедных и малообеспеченных социальных групп, либо людей, живущих в отдаленных регионах, где нет интернета, а также для инклюзивных людей, лиц с ограниченными возможностями. Кроме того, отмечает Ю.Ю. Комлев, в цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы и клерки и др., занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди – жертвы массовой безработицы, и они могут стать активными девиантами [10, с. 21].

Тотальная цифровизация общественного развития может создать условия (и уже создает!) для криминогенного и девиантогенного офшора, криминализации форм девиантности и деструктивной киберпреступности (кибермошенничество, кибертерроризм и киберэкстремизм, киберсекс, искейперство, киберкражи, кибервиктимизация, кибербуллинг и др.) [7].

Как отмечает В.В. Абраменкова (2020), деструктивный контент многих подростковых сайтов и чатов с пропагандой наркотиков, детской проституции, суицидов и экстремизма действует разрушительно на мышление

юных граждан, его критичность и независимость, на всю духовно-нравственную сферу убеждений, веры и мировоззрение в целом. Цифровизация несет не только прямые риски и угрозы безопасному развитию ребенка, но может использоваться как инструмент деструктивного воздействия на сверстников в самом детском сообществе [1], в подростково-молодежной субкультуре.

К «цифровым» детям принято относить детей, родившихся после 2004 года, в России их – более 25 миллионов человек.

Между реальным и виртуальным миром в современной жизни стираются грани, эти миры для детей и подростков стали равнозначными. Основной контент коммуникации для них – это эмодзи, стикеры, мемы, вирусное видео. Основной носитель коммуникации – смартфон.

Все сказанное несет в себе огромные риски и угрозу для личности, общества и государства, так как «цифровой бум» имеет прогрессирующую тенденцию к необратимости, усилению своего влияния на сознание детей, подростков и молодежи, приводя в итоге к *цифровому слабоумию* («цифровой деменции», связанной с ухудшением памяти, потерей концентрации, снижением уровня IQ и прочих когнитивных способностей; термин Манфреда Спитцера), цифровому аутизму, потере идентичности, болезням, общей разобщенности, изменению способов коммуникации, неспособности строить отношения с другими людьми, подавленности и депрессии – «*вирусу цифрового слабоумия*».

Как отмечают психологи (А.В. Юревич, А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик, 2018), «цифровая революция» открывает не только путь к «психозойской эре» и духовному развитию человека, но и к новым формам психологических манипуляций, невиданным по охвату, глубине и силе воздействия [27, с. 16].

Кибермания приобретает характер пандемии, растет с пугающей быстротой, напрямую влияет на траекторию развития ребенка. Главный риск, который недооценивают родители и школьные учителя, это – диагноз – цифровая зависимость (цифровая аддикция), который введен в

международную классификацию болезней (МКБ-11) [7; 16], формируется порочный круг дофаминовой зависимости.¹

Как считают врачи, цифровая перегрузка крайне негативно влияет на человеческий мозг. По их словам, у молодых людей массово наблюдается снижение умственных способностей, во многом схожее с тем, которое происходит у людей после инсульта или тяжелой травмы головы [16]. При бесконтрольном потреблении цифрового контента, снижается умственная активность, и у подростка формируется *клиповое мышление*, когда он приучается «верхоглядству, поверхностному отношению к информационному массиву, он не умеет задерживать информацию, думать и концентрироваться. Так, за 2021 год, по данным лаборатории Е.В. Касперского, 85 % детей не мыслит своей жизни без цифровых устройств. С 4–5 лет приучают к гаджетам своих детей 92 % родители.

Таким образом, XXI век характеризуется глобализацией изменений, антропогенными рисками, турбулентностью, цифровизацией, модернизацией, насаждением клипового мышления, интенсивными преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности людей: меняются ценностно-нормативная система, установки, мотивация, модели поведения, образ мыслей и жизни, активно формируется новый девиантогенный и криминогенный тип личности.

Понятно, что в ритме стремительных изменений одна наука не способна найти адекватный ответ на возникающие проблемы, необходимы постоянные теоретико-прикладные форсайты по девиантологической проблематике. Форсайты такого рода могут стать своеобразным инструментом, повышающим влияние ювенальной девиантологии на решения чиновников разных уровней власти, однако широкого распространения пока не получили.

¹ По мнению академика И.П. Анохиной, основным нейромедиатором зависимости, работающем в «системе награды», является дофамин (ДА), хотя там представлены и норадреналин (НА), и серотонин (5-НТ). Она предположила, что механизмы зависимости от психоактивных веществ (ПАВ) и остальных аддиктивных состояний (нехимические зависимости, поведенческие зависимости) схожи. «ДА концепция» зависимости стала общепринятой и распространена в различных странах (*примечания мои – Ю.К.*).

Концептуализация проблемы.

Однако при анализе научных и учебных источников, электронных ресурсов и др., обращает на себя внимание пестрота и неоднозначность толкования термина «цифровизация». Так, например, на портале «Люди Роста» цифровизация трактуется, как: «интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь путем оцифровки всего, что можно оцифровать» [3].

В.А. Плотников (2018) трактует термин «цифровизация» в двух смыслах: а) цифровизация – это процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности и б) цифровизация – это современный этап развития информатизации, отличающийся преобладающим использованием цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации, что обусловлено появлением и распространением новых технических средств и программных решений [14].

Ученые Высшей школы экономики (ВШЭ) понимают термин «цифровизация» в широком и узком смысле. Цифровизация – замена аналоговых (физических) систем сбора и обработки данных технологическими системами, которые генерируют, передают и обрабатывают цифровой сигнал о своем состоянии. В широком смысле – процесс переноса в цифровую среду функций и деятельности, ранее выполнявшихся людьми и организациями [22].

В другом источнике мы находим такое объяснение цифровизации: *цифровизация – это подход, который направлен на создание цифровой картины окружающего мира, но в формате, подходящем для обработки компьютером* [26].

Еще один вариант трактовки термина «цифровизация» заключается в том, что *цифровизация – это эволюционное развитие, так же, как в свое время промышленная революция перевернула аграрную экономику в мануфактуру, а потом «машины» изменили последнюю в индустриальную* [25].

А. Марей (2019) под цифровизацией понимает: *«изменение парадигмы общения и взаимодействия друг с другом и социумом»*.

Обобщая приведенные дефиниции цифровизации, возникает логичный вопрос: для чего вообще нужен процесс цифровизации и на что он направлен? Если говорить коротко, то он направлен, как утверждают авторы цифровизации и чиновники, на повышение качества жизни населения, а именно:

- доступность и повышение качества сферы медицины и образования;
- повышение комфортности жизни в городах;
- создание платформы с удобными сервисами и госуслугами в цифровом аспекте;
- новые профессии и варианты трудоустройства;
- национальная безопасность, в том числе экономическая, общественная и так далее.

Помимо этого, суть цифровизации состоит и в роботизации процессов, развитие 3D печати и мобильной вовлеченности населения.

Проведя дискурс-анализ определений цифровизации в приведенных источниках, необходимо отметить, что этот процесс во всех контекстах означает динамику, прогресс в различных процессах, который включает в себя использование современных цифровых технологий.

Таким образом, если сгенерировать доступные точки зрения на процесс цифровизации, то можно рискнуть дать следующее понимание термина «цифровизация»: ***цифровизация*** – это процесс активного внедрения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека (такие, как социальная, экономическая, медицинская и так далее), процесс, который меняет подход к использованию, хранению и передаче информации.

Если процесс цифровизации всепроникающ и вся жизнедеятельность человека зависит от него, тогда возникает другой вопрос: а может ли произойти цифровизация самого человека? Прорывные нейротехнологии,

такие как «проект Neuralink» Илона Рива Маска (Elon Reeve Musk, 2017)², генная инженерия, нейроимплантанты в медицине, роботизация, технологии искусственного интеллекта (Artificial intelligence, AI) и т.п. дают основание думать, что цифровизация человека возможна, по крайней мере во второй половине XXI века, как утверждают некоторые ученые.

Как отмечает команда Ctrl2GO, эволюционное развитие технологий приведет к слиянию реального мира и цифровых двойников: технологии сбора, передачи, хранения, обработки и анализа данных, а также растущая потребность в обеспечении приватности и кибербезопасности продолжат трансформировать все сферы нашей жизни. Будущее за нейротехнологиями: они сотрут границы между мирами [26].

Уже сейчас становится очевидным, что цифровизация постепенно приобретает значение самостоятельного образа жизни индивида и социальных групп, с ней рождается новая культура – *электронная*. С внедрением цифровизации все упрощается, усиливается виртуализация: экономическая, управленческая, культурная, образовательная, социальная, ментальная. А это, в свою очередь, приводит к появлению нового вида человека – *трансгендера* (лат. – *homo tertio sexus*) – человека, у которого трансформирована гендерная идентичность (люди «третьего пола»), у которого социальный и биологический пол не совпадают.

По мнению некоторых юристов (Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор и др.), сегодня к традиционным социальным регуляторам, таким как мораль, религия, право, добавился еще один – *программный код* [20, с. 8], который ставит людей в определенные цифровые рамки, фиксируя их количество, собирая информацию, группируя и сохраняя сведения о людях, предметах, явлениях и процессах.

² Основная цель проекта Neuralink — создание безопасного нейроинтерфейса, способного улавливать мозговую активность и обрабатывать сигналы без риска отторжения организмом. Это поможет в изучении и лечении неврологических болезней и нарушений работы мозга, восстановлении моторных функций, лечении слепоты, паралича, эпилепсии, депрессии, болезнью Паркинсона и Альцгеймера. (*Примечание - автора*).

В юридических науках концепция цифровых прав на сегодняшний день пока окончательно не сформировалась. Однако общепризнана *публично-правовая природа* цифровых прав [16]. Статьей 141.1 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) признаются цифровые права гражданина, «<...>, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (п.1); <...> обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом <...>». Как отмечает М.А. Рожкова, конструкт **«цифровые права»** (*digital rights*) вошел в правовой лексикон. До этого употреблялись выражения «интернет-права», «права человека в интернете/в киберпространстве», «киберправа и киберсвободы» (англ. *cyber-rights & cyber-liberties*) (Рожкова М.А., 2020).

Обсуждаются аспекты цифрового волонтерства современной молодежи (Молчанов С.В., Пряжников Н.С., 2020; Башева О.А., Ермолаева П.О., 2020).

О цифровизации образовательных учреждений сегодня говорится много. В литературе широко обсуждаются изменения в системе образования, происходящие под воздействием цифровизации. Много пишут о преимуществах, которые несут в себе цифровые технологии, используемые в высшем образовании [12]. К таким преимуществам относят: широкий доступ обучающихся к информационным ресурсам образования; возможность строить индивидуализированные образовательные траектории; прозрачность деятельности образовательных организаций; оптимизацию взаимодействия между преподавателями и студентами, между всеми участниками образовательного процесса; формирование мобильных структур управления образовательным процессом и др.

Наряду с позитивными моментами встречаются и скептические оценки цифровизации образования (напр.: [28, р. 9–10]). Обсуждаются вызовы, с которыми сталкивается система высшего образования:

повышение конкуренции на рынке образовательных услуг в связи с появлением новых провайдеров, рост мобильности обучающихся, изменение их запросов к содержанию, формам и технологиям обучения, с одной стороны, и неспособность вузов освоить новые требования и использовать в полном объеме возможности цифровых технологий – с другой [28].

Серьезную тревогу у исследователей вызывает формализация профессиональной подготовки и снижение разнообразия знаний и компетенций выпускников в связи с алгоритмизацией и стандартизацией онлайн-образования, особенно в случае применения роботизированных программ и отсутствия непосредственного контакта с преподавателем и обучающимися [15, с. 41–49; 6; 9]. Звучат также прогнозы о том, что образовательная платформа онлайн-образования вытеснит университеты. Вузы стали осваивать новые форматы передачи знаний, в первую очередь, онлайн-курсы [18]. На лицо реальная опасность, когда преподаватель постепенно превращается из носителя и транслятора знаний и умений в навигатора, который ограничивается ориентацией обучающегося в базах знаний. Как отмечает Г.Л. Тульчинский (2017), преподавательский труд приобретает прекарный (от англ. *precarious* и лат. *precarium* – сомнительный, опасный, рискованный, неустойчивый) характер.

В научной литературе (В.Н. Митина, Я. Кузьминов и др.) выделены тренды, связанные с цифровизацией высшего образования:

- 1) формирование модели смешанного обучения;
- 2) развитие онлайн-образования;
- 3) создание виртуальной (цифровой) образовательной среды;
- 4) изменение подхода к управлению образовательными организациями (более подробно в: [11; 13]).

1.1 Как видно, все направлено на трансформацию института высшего образования. Согласимся с В.Н. Митиной, пока трудно сказать, каковы будут социальные последствия такой трансформации, поскольку, как

отмечалось ранее, нет специальных исследований, сфокусированных на изучении процесса трансформации института высшего образования под воздействием цифровизации [13].

Мы, в погоне за европейскими нововведениями, в безоглядном и бездумном калькировании их опыта и вектора развития, забыли главное: *российское образование – как часть культурного кода нации – сопровождает человека от его рождения через всю жизнь, выполняя различные функции, такие как:*

- компенсаторная (восполняющая пробелы в базовом образовании);
- адаптивная (оперативная подготовка и переподготовка в меняющейся социальной ситуации);
- развивающая (удовлетворение духовных запросов личности, потребностей творческого роста).

Именно эти функции-доминанты, как известно, реализуются за счет функционального включения личности в образовательный и воспитательный процессы, которые обеспечивают преемственность ступеней российского образования («детский сад – школа – колледж – вуз»), гармонично дополняют друг друга; *образование (и это важно!) помогает человеку вырабатывать смысловые и жизненные ориентиры в течение всей жизни.*

Грубая, насажденная из вне, цифровизация сферы образования и науки, культуры в целом не дает такой возможности человеку гармонично развиваться и творить.

Однако самое парадоксальное в этом процессе связано вовсе не с наукой, образованием и технологиями, а с политикой доминирования и превосходства. Любое нововведение (будь то цифровизация, роботизация, искусственный интеллект или еще что-либо другое) в образовательный процесс должно оцениваться, по нашему мнению, не по его оригинальности и научности, а по тому, какую опасность это нововведение несет обществу, чтобы окончательно не «добить» его *«цивилизационной разрухой»* (термин Ника Бострома, 2018), какое деструктивное (разрушительное) воздействие оказывает оно на сознание

каждого его члена [6]. Собственно, об этом высказалась и президент РАО академик О.Ю. Васильева: «к цифровому контенту надо относиться осторожно, он должен для начала пройти экспертную оценку».³

1.2 И все же, какие же выгоды и риски несет в себе процесс цифровизации? Выделяют следующие *выгоды цифровизации*:

- ✓ рост производительности труда;
- ✓ повышение конкурентоспособности компаний;
- ✓ снижение издержек производства;
- ✓ создание новых рабочих мест;
- ✓ увеличение степени удовлетворенности человеческих потребностей;
- ✓ преодоление бедности и социального неравенства.

1.3 Цифровизация несет также следующие *потенциальные риски*:

- несанкционированный доступ к информации и другие угрозы кибербезопасности;
- массовая безработица;
- цифровое неравенство – разрывы в уровне образования и условиях доступа к цифровым услугам и продуктам между гражданами и бизнесами внутри стран, а также между государствами.

1.4 Исследователями в области электронного образования (П.Н.Биленко, В.И. Блинов, А.А. Вербицкий, М.В. Дулинов, Е.Ю. Есенина, Е.Г. Трунова, В.Г.Калашников, Norton P. и др.) были выделены *плюсы цифровой системы образования*:

- Приучение к самостоятельности. Так как будущая система подразумевает самостоятельную работу, с детства формируется понимание, что человек сам должен стремиться к знаниям. Такое воспитание в дальнейшем сделает характер человека более твердым. Без излишней заботы педагогов обучающийся добьется более высоких результатов.

³ [Электронный ресурс]. <https://zen.yandex.ru/media/obucheniepro/olga-vasileva-na-povyshennyh-tonah-vyskazalas-protiv-geimifikacii-v-obrazovanii-61b0537c1cdf5472546334d> (дата обращения: 10.01.2022).

- Отсутствие бумажной волокиты. Обучающимся приходится носить сразу несколько учебников и тетрадок, которые занимают значительное место и много весят. Нагрузка может быть такой сильной, что у ребенка будет болеть тело. Цифровое образование избавляет человека от горы бумаг и книг. В компьютере вместятся все учебники и пособия, а планшет заменит рабочие тетради.

- Экономия. Так как цифровизация избавляет от бумажных версий, не придется тратить деньги на тетради, учебники, ручки и прочую канцелярию. Электронные версии необходимо будет заменять на новые только в случае поломки старой техники.

- Упрощение работы педагогов. Профессия педагога считается одной из самых сложных. На воспитание юных умов тратится много энергии и нервов. В цифровой системе работа педагога подразумевает лишь помощь, которая задает направление развития обучающихся. Обращение за помощью к педагогу происходит лишь в спорных ситуациях.

- Шаг в будущее. Переход к цифровому образованию – это значимый этап к созданию Интернет-технологий. Сейчас наука развивается с большой скоростью, каждый день появляются новые структуры. Цифровизация обучения поможет обучающимся лучше ориентироваться в информационном мире в будущем [2].

Также были выделены и *недостатки цифровой системы образования*:

- Риск негативного (отрицательного) результата. Эти изменения будут кардинальными. Нет возможности точно сказать: будет ли такое новшество положительным. Данная система применится впервые, поэтому сравнить с чем-то подобным не получится.

- Отсутствие творчества. Ученые доказали, что цветное оформление помогает человеку лучше запомнить информацию. Даже взрослым людям рекомендуется создавать свои записи с небольшими корректировками. Это также способствует развитию творческих способностей. Однако информационные технологии исключают возможность проявить себя.

Электронные версии носят «сухой» характер, поэтому обучающийся быстро привыкнет к скучному повествованию, а развитие творческих способностей будет заметно страдать.

- Снижение умственной активности, деградация. Это явление можно наблюдать уже сейчас. Человеку нет нужды размышлять о чем-то, он перестал самостоятельно добывать информацию. Достаточно иметь доступ в Интернет, чтобы узнать необходимые сведения. Это приводит к ослаблению мыслительных способностей.

- Деструктивная социализация. Когда обучающийся впервые приходит в школу, есть лишь малая вероятность, что там он встретит знакомого. Таким образом, он попадает в другой социум, где никого не знает, получая не только знания, но и обретая друзей, учась взаимодействовать с обществом. Информационная система значительно снижает уровень социализации человека. Это повлияет на дальнейшее развитие личности.

- Проблемы с физическим развитием. Зрение и мелкая моторика изменятся в первую очередь. Длительное пребывание за экраном приводит к глазной усталости. Со временем появятся: сухость; покраснение; раздражение; ухудшение зрения. В следующих поколениях уже вряд ли найдется человек с хорошим зрением. Однако, возможно, в будущем технологии станут более безопасными для детского развития. Работа с клавиатурой и планшетом приведет к изменению физиологии пальцев. Могут поменяться строение костей, суставов и мышц.

- Абсолютный контроль. Это относится к обучающимся, педагогам и родителям. На каждого человека заводится личное дело, собирается подробная информация о семье. Это приведет к тотальному контролю общества. Если рассуждать на более низком уровне – нет возможности что-либо скрыть (спрятать дневник, исправить оценку, умолчать о замечании), что заметно ударит по самостоятельности и развитию личности. Когда обучающийся сталкивается с проблемами, он пытается их решить сам, хоть и не всегда правильными способами.

• Функция педагогов. После цифровизации понятие «педагог» будет полностью изменено. Профессионалов заменят роботы и виртуальные системы. Люди лишатся работы [2].

Эти же авторы в другой своей работе выделили риски цифровизации профессионального образования и обучения:

1. Риск деформации мышления, мировоззрения, системы ценностных ориентаций.
2. Риск избыточного «цифрового оптимизма».
3. Риск подмены цифровизации образования оцифровкой.
4. Риск диктата разработчиков цифровых средств.
5. Этические риски цифровизации образовательного процесса.
6. Управленческие риски [2, с.62-64].

К основным дидактическим принципам цифрового образовательного процесса относятся [25]:

1. *Принцип доминирования* фокусируется на самостоятельной учебной деятельности студента в цифровой образовательной среде. Преподавателю необходимо организовать учебный процесс, поддерживать и помогать студенту в процессе обучения.

2. *Принцип персонализации* предполагает возможность студента самостоятельно определить цель обучения, выбрать стратегию образовательного процесса, темп и уровень освоения образовательной программы. Такой подход позволит преподавателю отслеживать персональные показатели развития и учебные результаты студента.

3. *Принцип целесообразности* пересекается с традиционным дидактическим принципом целенаправленности: в процессе обучения требуется использование только таких цифровых технологий, которые максимально обеспечивают достижения поставленных целей в образовательном процессе конкретного студента. Данный принцип не подразумевает использование малоэффективных педагогических технологий и средств без четко поставленных образовательных целей.

4. *Принцип гибкости и адаптивности* позволяет развивать индивидуальный подход в зависимости от условий цифрового образовательного процесса. Цифровой образовательный процесс позволяет автоматически подстроить программу под каждого обучающегося, принимая во внимание такие аспекты, как порядок, способ и темп предоставления учебного материала. Также данный принцип учитывает уровень и характер поддержки педагога.

5. *Принцип успешности в обучении* пересекается с дидактическим принципом прочности и требует достижения поставленных целей, а также полного усвоения знаний, умений и навыков. В цифровом образовательном процессе данный принцип является завершающим элементом в дидактической цепочке «объяснение – закрепление – контроль». Выделяются дополнительные учебные часы для закрепления материала, нередко организовывается очная встреча преподавателей и студентов. Преподаватель внимательно отслеживает оптимальное соотношение групповых и индивидуальных форм закрепления. Цифровые средства значительно ускоряют этот процесс и делают его менее рутинным.

6. *Принцип обучения в сотрудничестве и взаимодействии* (аналог дидактического принципа интерактивности) требует построение учебного процесса на основе активной многосторонней коммуникации — реальной и сетевой — между преподавателем и обучающимся. Данный принцип предполагает использование групповых форм сетевого обучения.

7. *Принцип практикоориентированности*, прямым образом связанный с традиционным дидактическим принципом связи обучения с жизнью, требует четкой настройки целей и конкретных результатов. Для этого необходимо организовать:

- остановку учебных целей, задач и проблемных ситуаций;
- практические задания;
- закрепление полученных знаний в «боевых» условиях, то есть на действующем проекте или предприятии.

8. *Принцип нарастания сложности*, который соотносится с дидактическим принципом доступности, систематичности и последовательности, предполагает последовательный переход:

- от простого к сложному и от сложного к простому;
- от общего к частному и от частного к общему;
- от индивидуального к групповому и от группового к индивидуальному и другие процессы обучения.

9. *Принцип насыщенности образовательной среды* требует избытка информационных ресурсов для построения индивидуальной стратегии обучения. Такая избыточность может быть реализована при помощи сетевого образовательного ресурса — единой информационной образовательной среды.

10. *Принцип полимодальности (мультимедийности)* является более развернутым дидактическим принципом наглядности и задействует в учебном процессе зрительный, слуховой и моторный (кинестетический) способы восприятия. Для этого задействуют различные устройства, такие как тренажеры, датчики, симуляторы, а также средства дополненной реальности.

11. *Принцип включенного оценивания* требует непрерывное оценивание успешности учащегося на протяжении всего учебного процесса. Цифровые технологии обеспечивают мгновенную обратную связь, непрерывно передавая педагогу необходимые данные о результатах выполнения задания. Благодаря этому преподаватель делает выводы о сильных и слабых сторонах студента, позволяя прямо в процессе обучения корректировать сценарии развития и ближайшие учебные цели. Таким образом, цифровые технологии обеспечивают объективность и прозрачность окончательной оценки выполнения того или иного задания.

Л.Н. Данилова, Т.В. Ледовская, Н.Э. Солянин, А.М. Ходырев (2020) утверждают, что вслед за зарубежными партнерами в силу глобализационных трендов в России также сложились два подхода к пониманию цифровизации: а) *оцифровка данных* и б) *стратегия интеграции цифровых технологий в*

повседневную жизнь общества [5]. Однако, как указывают данные авторы, цифровая трансформация современного общества должна учитывать цифровую грамотность населения и опираться на представление о том, что разные поколения и группы людей освоили цифровые технологии на разном уровне «цифровой зрелости».

Как нам представляется, здесь нужна другая стратегия достижения «цифровой зрелости» населения и отрасли науки и высшего образования в России.

Исходя из этого, высокие требования предъявляются к системе образования, особенно психолого-педагогического. Указывается, что современный учитель, педагог-психолог должны владеть цифровыми технологиями, навыками самообразования и готовностью развивать «цифровые» компетенции в дальнейшем, уметь передавать свой опыт новым поколениям обучающихся и т.д. Для реализации этого вызова необходима цифровая трансформация (*а точнее – демонтаж*) психолого-педагогического образования: будущие учителя и психологи должны овладевать новыми цифровыми технологиями в рамках концепции «обучение в течение всей жизни», чтобы осуществлять свою профессиональную деятельность в новой, цифровой школе, в цифровом колледже и цифровом университете.

Заключение

Таким образом, проведенный дискурс-анализ концепта «цифровизация» позволяет выделить общие черты данного концепта. А именно:

- 1) цифровизация представляет собой инструмент осуществления цифровой трансформации вузовской системы, она предполагает внедрение IT-разработок, цифровых решений и цифровых платформ взаимодействия;
- 2) степень цифровизации зависит от потребностей и возможностей конкретного вуза (как финансовых, так и интеллектуальных);
- 3) необходимость цифровизации обусловлена внешними факторами (развитие рынка, технологий, конкурентов) и целями самой системы высшего образования, а также самого вуза.

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Цифровизация воспитания как угроза безопасному развитию детства // <https://psy.su/feed/9194/> (дата обращения: 05.09.2022).
2. Биленко П.Н., Блинов В.И., Сергеев И.С., Есенина Е.Ю. и др. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: монография / И.С. Блинов, И.С. Сергеев, Е.Ю. Есенина, П.Н.Биленко, М.В.Дулинов, А.М. Кондаков; под науч. ред. В.И. Блинова. – М.: Перо, 2019.
3. Глобальная цифровизация. [Электронный ресурс]: Люди роста. — Режим доступа: https://ludirosta.ru/post/globalnaya-tsifrovizatsiya_2225 (дата обращения: 08.01.2022).
4. Грунин М. Давосские пророчества // Подмосковье: журнал о людях и возможностях. - Москва, 2016. № 5-6. С.8-11.
5. Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12.
6. Клейберг Ю.А. К проблеме деструктивности цифровизации российского образования // Вопросы девиантологии. 2022. № 1(9). С. 7-24.
7. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во «ИП Петросян», 2022. 446 с.
8. Клейберг Ю. А. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 262-268.
9. Клейберг Ю.А. Психологич девиантного поведения. Избранные труды: монография. – Алмата: Издательство «Лантар books», 2022. – 500 с. – С. 25-39.
10. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. 2022. №2(1). С. 17–26. Doi: 10.35750/ 2713-0622-2022-1-17-26.
11. Кузьминов Я. Главный тренд российского образования — цифровизация. [Электронный ресурс]. URL: www.ug.ru (дата обращения: 09.01.2022).
12. Курмангулов А. А., Фролова О. И., Соловьева С. В. Перспективы внедрения электронного обучения в образовательный процесс медицинского вуза // Высшее образование в России. 2017. № 8/9. С. 116–120.
13. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. Т.13. Вып.1. Социология образования. С.84-103.
14. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике. [Электронный ресурс]: научная электронная библиотека «Киберленинка». - СПб, 2018. - Режим доступа: file:///C:/Users/Home_%D0%9F%D0

%9A/Downloads/tsifrovizatsiya-proizvodstva-teoreticheskaya-suschnost-i-perspektivy-razvitiya-v-rossiyskoj-ekonomike.pdf (дата обращения: 08.01.2022).

15. Ракитов А.И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал. 2018. № 6. С. 41–49.

16. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т.9. № 3. С. 71–80.

17. Талапина Э.В. Права человека в интернете // Журнал российского права 2019. № 2(266). С. 41–54.

18. Третьяков В.С., Ларионова В.А. Открытые онлайн-курсы как инструмент модернизации образовательной деятельности в вузе // Высшее образование в России. 2016. № 7 (203). С. 55–66.

19. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. Я.И. Кузьмина, И.Д. Фрумина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М., 2019. 339 с.

20. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации. - СПб: СПбГУП, 2019.

21. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 9-12. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/279/62867/> (дата обращения: 08.01.2022).

22. Цифровая трансформация: новые вызовы для бизнеса и руководителей компании. [Электронный ресурс]: Высшая школа экономики Кочубей центр. — Режим доступа: <https://kc.hse.ru/2018/05/15/cifrovaya-transformatsiya-novye-vyzovy/> (дата обращения: 08.01.2022).

23. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г.И. Абдрахманова, К.Б. Быховский, Н.Н. Веселитская, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; науч. ред. Л.М. Гохберг, П.Б. Рудник, К.О. Вишневецкий, Т. С. Зинина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 239 с.

24. Цифровизация всей страны. [Электронный ресурс]: Деловой Волгоград. — Режим доступа: <https://delosmi.ru/2018/07/07/tsifrovizatsiya-vsej-strany/> (дата обращения: 08.01.2022).

25. Цифровизация: от простого к сложному. [Электронный ресурс]. <https://vc.ru/u/501128-ctrl2go/130609-cifrovizatsiya-ot-prostogo-k-slozhnomu> (дата обращения: 08.01.2022).

26. Цифровая дидактика. [Электронный ресурс]. [//https://lala.lanbook.com/cifrovaya-didaktika-11-osnovnyh-principov](https://lala.lanbook.com/cifrovaya-didaktika-11-osnovnyh-principov) (дата обращения: 08.01.2022).

27. Юревич А.В., Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Цифровая революция и будущее психологии: к психологической науке и практики // Социальная и

экономическая психология. – Москва: Институт психологии Российской академии наук. 2018. Том 3. № 1 (9). С. 6-19.

28. Higgins St., Xiao Z., Katsipataki M. The Impact of Digital Technology on Learning: A Summary for the Education Endowment Foundation. Full report. Durham University, 2012.

29. Collins A., Halverson R. Rethinking education in the age of technology: The digital revolution and the schools. - New York: Teachers College Press, 2009.

References

1. Abramenkova V.V. Digitalization of education as a threat to the safe development of childhood // <https://psy.su/feed/9194/> (date of access: 09/05/2022).

2. Blinov V.I., Sergeev I.S., and Esenina E.Yu. Pedagogical concept of digital vocational education and training: monograph / I.S. Blinov, I.S. Sergeev, E.Yu. Esenina, P. N. Bilenko, M. V. Dulinov, A. M. Kondakov; under scientific ed. V.I.Blinov. - M.: Publishing house "Delo" RANEPА, 2020. 112 p.

3. Global digitalization. [Electronic resource]: People of growth. — Access mode: https://ludirosta.ru/post/globalnaya-tsifrovizatsiya_2225 (date of access: 01/08/2022).

4. Grunin M. Davos prophecies // Moscow region: a magazine about people and opportunities. - Moscow, 2016. No. 5-6. С.8-11.

5. Danilova L.N., Ledovskaya T.V., Solynin N.E., Khodyrev A.M. Basic approaches to understanding digitalization and digital values // Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2020. V. 26, No. 2. S. 5–12.

6. Kleyberg Yu.A. Fundamentals of the psychology of deviant behavior. Monograph. - 2nd ed., revised. and additional - Moscow: IP Petrosyan Publishing House, 2022. 446 p.

7. Kleyberg Yu. A. Deviant behavior: syntagma, ontology, epistemology // Society and law. 2015. No. 1 (51). pp. 262-268.

8. Kleyberg Yu.A. Psychological deviant behavior. Selected works: monograph. - Almaty: Publishing house "Lantar books", 2022. - 500 p. - S. 25-39.

9. Komlev Yu.Yu. From the digitalization of society to cybercrime, cyberdeviant and the development of digital deviantology // Russian deviantological journal. 2022. No. 2(1). pp. 17–26. Doi: 10.35750/ 2713-0622-2022-1-17-26.

10. Kuzminov Ya. The main trend of Russian education is digitalization. [Electronic resource]. URL: www.ug.ru (date of access: 01/09/2022).

11. Kurmangulov A. A., Frolova O. I., Solovieva S. V. Prospects for the introduction of e-learning in the educational process of a medical university // Higher education in Russia. 2017, no. 8/9. pp. 116–120.

12. Minina V.N. Digitalization of higher education and its social results // Bulletin of St. Petersburg University. 2020. V.13. Issue 1. Sociology of education. S.84-103.

13. Plotnikov V.A. Digitalization of production: theoretical essence and development prospects in the Russian economy. [Electronic resource]: scientific

electronic library "Cyberleninka". St. Petersburg, 2018 .pdf (date of access: 01/08/2022).

14. Rakitov A.I. Higher education and artificial intelligence: euphoria and alarmism // Higher education in Russia. Scientific and pedagogical journal. 2018. No. 6. P. 41–49.

15. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. 2018. V.9. No. 3, pp. 71–80.

16. Talapina E.V. Human Rights on the Internet // Journal of Russian Law 2019. No. 2(266). pp. 41–54.

17. Tretyakov B.C., Larionova V.A. Open online courses as a tool for modernizing educational activities at the university // Higher education in Russia. 2016. No. 7 (203). pp. 55–66.

18. Difficulties and prospects of digital transformation of education / ed. ME AND. Kuzminova, I.D. Frumin; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. - M., 2019. 339 p.

19. Khabrieva T.Ya. Law in the context of digitalization. - SPb: SPbGUP, 2019.

20. Khomyakova S.S. Transformation and consolidation of the term "digitalization" at the legislative level // Young scientist. 2019. No. 41 (279). pp. 9-12. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/279/62867/> (date of access: 01/08/2022).

21. Digital transformation: new challenges for business and company leaders. [Electronic resource]: Higher School of Economics Kochubey Center. — Access mode: <https://kc.hse.ru/2018/05/15/cifrovaya-transformaciya-novye-vyzovy/> (date of access: 01/08/2022).

22. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities: dokl. to XXII Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 13–30 April. 2021 / G.I. Abdrakhmanova, K.B. Bykhovsky, N.N. Veselitskaya, K.O. Vishnevsky, L.M. Gohberg and others; hands ed. count P. B. Rudnik; scientific ed. L.M. Gokhberg, P.B. Rudnik, K.O. Vishnevsky, T. S. Zinina; National research University "Higher School of Economics". — M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2021. — 239 p.

23. Digitalization of the whole country. [Electronic resource]: Business Volgograd. — Access mode: <https://delosmi.ru/2018/07/07/tsifrovizatsiya-vsej-strany/> (date of access: 01/08/2022).

24. Digitalization: from simple to complex. [Electronic resource]. <https://vc.ru/u/501128-ctrl2go/130609-cifrovizaciya-ot-prostogo-k-slozhnomu> (date of access: 01/08/2022).

25. Digital didactics. [Electronic resource]. [//https://lala.lanbook.com/cifrovaya-didaktika-11-osnovnyh-principov](https://lala.lanbook.com/cifrovaya-didaktika-11-osnovnyh-principov) (date of access: 01/08/2022).

26. Yurevich A.V., Zhuravlev A.L., Nestik T.A. Digital revolution and the future of psychology: towards psychological science and practice // Social and

economic psychology. - Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2018. Volume 3. No. 1 (9). pp. 6-19.

27. Higgins St., Xiao Z., Katsipataki M. The Impact of Digital Technology on Learning: A Summary for the Education Endowment Foundation. Full report. Durham University, 2012.

28. Collins A., Halverson R. Rethinking education in the age of technology: The digital revolution and the schools. - New York: Teachers College Press, 2009.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГА

А. И. Долгиев

(Магас, Республика Ингушетия, Россия)

Информация об авторе: *ДОЛГИЕВ Адам Исаевич*, бакалавр исторического факультета (направление «Психология») Ингушского государственного университета (Магас, Республика Ингушетия, Россия). E-mail: adamdolgiev911@mail.ru

Аннотация. В статье представлен дискурс-анализ проблемы взаимосвязи физической активности и профессионального выгорания. Здоровый образ жизни, физическая активность, по мнению автора, – это комплекс мероприятий, обеспечивающих гармоничное развитие и укрепление здоровья, повышение работоспособности людей и способствующих минимизации эмоционального напряжения, стрессоустойчивость и профилактику профессионального выгорания. В процессе систематических занятий физическими упражнениями укрепляется физическое и ментальное здоровье, улучшаются самочувствие и настроение, появляется чувство бодрости и жизнерадостности.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, физическая активность, педагог, здоровый образ жизни, взаимосвязь, дискурс-анализ.

PHYSICAL ACTIVITY AS A MEANS PREVENTION OF PROFESSIONAL BURNOUT TEACHER

A. I. Dolgiev

*Republic of Ingushetia, Russia, Magas,
Ingush State University
(adamdolgiev911@mail.ru)*

Annotation. The article presents a discourse analysis of the problem of the relationship between physical activity and professional burnout. A healthy lifestyle, physical activity, according to the author, is a set of measures that ensure the harmonious development and strengthening of health, increase the efficiency of people and help minimize emotional stress, stress resistance and prevention of professional burnout. In the process of systematic physical exercises, physical and mental health is strengthened, well-being and mood improve, a feeling of cheerfulness and cheerfulness appears.

Keywords: professional burnout, physical activity, teacher, healthy lifestyle, relationship, discourse analysis.

Общеизвестно, что естественно-биологические и социологические науки (психология, педагогика, социология и др.) характеризуют человека не только как биологическое, но и как социальное существо, ведь биологическое начало человека – необходимое условие для формирования и проявления его психосоциального *modus vivendi*.

Понятно, что человек подчиняется биологическим закономерностям, присущим всем живым существам. Однако от представителей животного мира он отличается не только строением, но и развитым мышлением, интеллектом, речью, особенностями общественных взаимоотношений.

Понятие физической активности многогранно и заключается в уменьшении времени, проводимого в сидячем положении, увеличении легкой физической активности наряду с традиционной умеренно интенсивной физической активностью. Физическая активность является важнейшим условием не только здорового образа жизни, но и антидепрессивным,

антистрессовым средством, средством профилактики эмоционального и профессионального выгорания.

Однако педагог встает перед необходимостью самостоятельного принятия решений активного выбора жизненных позиций, стиля поведения и образа жизни. Это возможно постольку, поскольку *modus vivendi* общества, в котором он живет, обладает, с одной стороны, некоторой инвариантностью, определяемой способом производства, с другой – представляет ему возможность выбора различных типов жизнедеятельности, реализующих интересы различных социокультурных групп, слоев и прослоек [6]. Тем не менее, физические упражнения – эффективный способ снять эмоциональный стресс, высвободить избыток негативной энергии и избавиться от негативных мыслей. Одни предпочитают сбрасывать накопившуюся агрессию с ударов по боксерской груше, другие занимаются йогой и пилатесом, третьи – активным отдыхом и прогулками. Любые физические упражнения можно назвать природным антидепрессантом [4].

Поскольку человеческая жизнь является высшей ценностью общества, то совокупность свойств, качеств, состояний человека есть ценность не только самого человека, но и общества. Именно это превращает здоровье индивида в общественное богатство.

Здоровье рассматривается как интегративная характеристика личности, охватывающая как ее внутренний мир, так и все своеобразие взаимоотношений с окружением и включающая в себя физический, психический, социальный и духовный аспекты; как состояние равновесия, баланса между адаптационными возможностями человека и постоянно меняющимися условиями среды. «Быть здоровым – это естественное стремление человека», – отмечает К.В. Динейка, рассматривая в качестве главной задачи, стоящей перед человеком в отношении его здоровья, не лечение болезней, а творение здоровья [Цит. по: 1, с.384].

В последние годы, как в нашей стране, так и за рубежом, формируется научное направление – психология здоровья – наука о психологических

причинах здоровья, о методах и средствах его сохранения, укрепления и развития. Причем, речь идет не только о физическом здоровье, но и психологическом, ментальном здоровье [6]. Психология здоровья как новое научное направление связано с появлением профилактической медицины [2, с.63].

Как показывает практика, большинство людей ценность здоровья осознает только тогда, когда оно находится под серьезной угрозой или почти утрачено. Современный человек, хорошо зная, что полезно и что вредно, очень часто поступает неразумно по отношению к своему здоровью. Поэтому проблема здоровья в целом имеет важные социально-психологические, моральные и деонтологические аспекты [6]. Очень многие люди своим образом и поведением не способствуют укреплению здоровья, а разрушают его. Положительной же мотивации к совершенствованию здоровья у здоровых людей явно недостаточно. А между тем, регулярные занятия спортом и/или физическими упражнениями, оказывают позитивное влияние на снятие депрессивных и стрессовых состояний, беспокойства, напряженности и многих других психологических проблем, способствуют стрессоустойчивости организма. Кроме снятия стресса, спорт может стабилизировать общее настроение и интеллектуальную активность человека. Независимо от возраста или физической формы, человек может научиться пользоваться преимуществами физических упражнений для психологического и психического здоровья [3; 4].

В опубликованных научных источниках, посвященных связи физической активности и профессионального выгорания, ученые обращаются как к влиянию единичных занятий, так и полноценных курсов физической активности. Кроме того, в данных публикациях предметом исследования становилось разнообразие психологических эффектов, таких как: влияние на настроение, самооценку, когнитивные функции и их снижение, депрессию и качество жизни и др.

Следует заметить, что, хотя эффект улучшения настроения доказан, однако он зависит от интенсивности, регулярности и качества физической нагрузки. Считается также, что физическая активность может повышать самооценку. Однако существует мнение, что в действительности, связь между физической активностью и самооценкой достаточно слабая и нестойкая.

Утверждение о положительном влиянии физической активности на когнитивные процессы является одним из наиболее веских. Оно использовалось в качестве аргумента для увеличения физической активности как в общеобразовательных школах, так и для вузов, а также для людей старшей возрастной категории с целью уменьшения влияния профессиональных деформаций на работоспособность человека. На основании проведенных исследований, авторами (Dishman R.K, Heath G.W, Lee I.-M. и др.) был сделан вывод о том, что данные исследований указывают на наличие причинно-следственной связи между физической активностью и снижением риска ухудшения когнитивных функций. Ученые также констатируют, что наиболее изученной областью связи между физической активностью и психическим здоровьем, является феномен «депрессия», и отмечают, что в 20-33 процентах случаев обнаруживается снижение риска депрессии в физически активных группах.

Однако ныне преобладает мнение, что здоровье народа на 50% определяется здоровым образом жизни, на 20% – экологическими; на 20% – биологическими (наследственными) факторами и на 10% – медициной. Следовательно, если человек ведет активный здоровый образ жизни, то все это предопределяет на 50% высокий уровень его здоровья. И, наоборот, человек, ведущий пассивный или нездоровый образ жизни, подрывает свое здоровье, обрекает себя на страдания и мучения, преждевременную старость и безрадостную жизнь [7].

Таким образом, проведенный нами дискурс-анализ взаимосвязи физической активности личности и профессионального выгорания специалистов социномических профессий (педагогов, психологов, юристов и

др.), раскрывает понятие здорового образа жизни гораздо шире, чем отсутствие вредных привычек, режим труда и отдыха, система питания, различные закалывающие и развивающие упражнения; в него также входит система отношений к себе, к другому человеку, к жизни в целом, а также осмысленность бытия, жизненные цели и ценности и т.д.

Следовательно, для творения и сохранения здоровья необходимо как расширение представлений о здоровье и болезнях, так и умелое использование всего спектра факторов, влияющих на различные составляющие здоровья (физическую, психическую, социальную и духовную), овладение оздоровительными, общеукрепляющими, природосообразными методами и технологиями, формирование установки на здоровый образ жизни [6].

Список литературы

1. Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. Книга 1. Концептуальные основы психологии здоровья. – СПб: Речь, 2006. - 384 с.
2. Динейка К.В. 10 уроков психофизической тренировки. - М., 1987.
3. Долгиев А.И. Девиантогенные триггеры психосоматических нарушений и аутодеструктивного поведения молодежи европейских стран и России: дайджест. // Современные проблемы психосоматической психологии и психотерапии / Материалы науч.-практ. конф. 10-11 марта 2023 г., Санкт-Петербург / Ю.А. Клейберг, А.И. Долгиев. – СПб: Международная Академия психологических наук, 2023.
4. Долгиев А.И. Влияние спорта на психику человека // Молодые исследователи – в поиске / А.И. Долгиев, И.М. Цечоев / Матер. Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. - Магас: ИнГГУ; Махачкала: АЛЕФ, 2021.
5. Ермолинский Сергей. Ценностное отношение к здоровью как психологический феномен (часть 1). [Электронный ресурс]. // http://ibs.ucoz.ru/publ/psikhologija/cennostnoe_otnoshenie_k_zdorovju_kak_psikhologicheskij_fenomen_chast_1/13-1-0-154
6. Клейберг Ю.А. Ценностные ориентации как основа формирования здорового образа жизни молодежи // Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 2. – С. 258-262.
7. Хлебников В.А. Физическая культура как компонент здорового образа жизни // Современные социально-гуманитарные исследования: теоретико-методологические и прикладные аспекты: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2019 г.: в 2-х ч. - Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. Часть II. С. 135-139.

References

1. Ananiev V.A. Fundamentals of health psychology. Book 1. Conceptual foundations of health psychology. - St. Petersburg: Speech, 2006. - 384 p.
2. Dineika K.V. 10 lessons of psychophysical training. - M., 1987.
3. Dolgiev A.I. Deviantogenic triggers of psychosomatic disorders and self-destructive behavior of young people in European countries and Russia: a digest. // Modern problems of psychosomatic psychology and psychotherapy / Materials of scientific-practical. conf. March 10-11, 2023, St. Petersburg. / Yu.A. Kleyberg, A.I. Dolgiev. - St. Petersburg: International Academy of Psychological Sciences, 2023.
4. Dolgiev A.I. Influence of sports on the human psyche // Young researchers - in search / A.I. Dolgiev, I.M. Tsechoev / Mater. Vseros. Scientific-practical. conf. students, graduate students and young scientists. - Magas: IngSU; Makhachkala: ALEF, 2021.
5. Ermolinsky Sergey. Value attitude to health as a psychological phenomenon (part 1). [Electronic resource]. // http://ibs.ucoz.ru/publ/psikhologija/cennostnoe_otnoshenie_k_zdorovju_kak_psikhologicheskij_phenomen_chast_1/13-1-0-154
6. Kleyberg Yu. A. Value orientations as a basis for the formation of a healthy lifestyle for young people // Psychology of deviant behavior. Selected works: monograph. - In 3 vols. - Vol. 2. - S. 258-262.
7. Khlebnikov V.A. Physical culture as a component of a healthy lifestyle // Modern social and humanitarian research: theoretical, methodological and applied aspects: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference November 30, 2019: in 2 hours - Belgorod: Agency for Advanced Research research (APNI), 2019. Part II. pp. 135-139.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОДИНОЧЕСТВА И Я- КОНЦЕПЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ⁴

Е. Е. Рогова

(Ростов-на-Дону)

Информация об авторе: *РОГОВА Евгения Евгеньевна*, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организационной и прикладной психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета. Ростов-на-Дону, Россия.

Одиночество является сложным и многогранным феноменом, в связи с чем существует несколько подходов к его пониманию: философский, социологический, психологический. Кроме того, как и любое сложное явление, одиночество имеет негативный и позитивный аспекты, которые могут быть связаны между собой. Это обуславливает отсутствие единства во взглядах психологов на данный феномен. Опираясь на теоретические исследования, можно заметить, что на протяжении всего жизненного пути чувство одиночества переживается человеком по-разному. Впервые состояние одиночества остро осознается именно в подростковом возрасте, что может быть связано с актуализацией расширяющихся социальных потребностей, свойственных данному периоду. Стоит заметить, что в последние годы увеличивается число работ, посвященных изучению факторов, связанных с одиночеством. Так, среди них обычно выделяют такие личностные

⁴ Републикация по: Рогова Е.Е. Взаимосвязь одиночества, и Я-концепции в подростковом возрасте // Психологическая газета. 2023. 4 марта; Рогова Е.Е. Взаимосвязь одиночества, и Я-концепции в подростковом возрасте // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Том 9. № 6.

характеристики, как слабое развитие коммуникативных навыков, неуверенность в себе, агрессивность характера, наличие неразрешенных внутриличностных конфликтов, склонность фокусироваться на угрожающих социальных стимулах и ожидать враждебности от окружающих (Е.Н.Климентьева, А.А. Любякин, Л.В. Оконечникова, С. Погам). Однако, несмотря на активный интерес к проблеме одиночества, на данном этапе не достигнуто четкого понимания взаимосвязи одиночества с особенностями формирования Я-концепции в подростковом возрасте. Становление Я-концепции как центра внутреннего мира личности происходит в детском и подростковом возрасте, и одним из значимых факторов в формировании Я-концепции является идентификация себя со значимым «другим». Поскольку в подростковом возрасте меняется ведущий тип деятельности и социальная ситуация развития, значимыми «другими» в этом возрастном периоде выступают сверстники. В случае если референтная группа отвергает подростка или он не чувствует своей принадлежности к ней, может возникнуть ощущение одиночества, что, по нашему мнению, может быть связано с особенностями формирования Я-концепции.

Таким образом, целью нашего исследования было изучение взаимосвязи одиночества и Я-концепции у подростков.

Разработанность проблемы

Я-концепции была и остается предметом изучения многих психологов таких как Ч.Х. Кули, Дж. Мид, Р. Бернс, К. Роджерс, Э. Эриксон. Однако, первым, кто начал заниматься ее исследованием, был У. Джемс. По его мнению: «Я-концепция — это динамическая система представлений человека о самом себе, включающая: а) осознание своих физических, интеллектуальных и прочих свойств; б) самооценку; в) субъективное восприятие влияющих на собственную личность внешних факторов» [1, с. 47]. В научной литературе на сегодняшний день можно встретить множество трактовок данного понятия, причем отечественное понимание данного психологического явления заметно отличается от зарубежного.

Так, Р. Бернс дает следующее определение Я-концепции – «представления индивида о себе, взаимосвязанное с оценкой себя в настоящем и будущем» [2, с. 65]. В свою очередь, К. Роджерс отмечает, что «Я-концепция – интегральный механизм саморегуляции поведения, который формируется в процессе взаимодействия с окружающей средой» [3, с. 109]. По мнению З.Фрейда, она является сложной структурой, состоящей из уровней, включающей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [4].

Отечественные психологи рассматривали «образ Я» чаще всего в контексте исследования самосознания, как набор характеристик, позволяющих каждому человеку определять себя как индивидуальность, осознавать себя как существо, которому присущи какие-либо психические свойства, будь то характер, способности, привычки и др. Однако, Я-концепция чаще всего рассматривается как ядро личности, и перемены в локальных «Я-образах» не влияют на Я-концепцию.

Так, Б.Г. Ананьев считает, что «Я-концепция – внутреннее сознательное начало самосознания, система представлений индивида о себе». Л.А. Венгер рассматривает Я-концепцию как совокупность обобщенных и оценочных представлений. А.Г. Спиркин полагает, что она является «осмыслением и оценкой действий, результатов, оценкой себя, признаком, формирующимся совместно со становлением личности» [5, с. 59].

В исследованиях Е.Т. Соколовой «образ Я» интерпретируется как интегративное установочное образование, которое включает в себя следующие компоненты:

1. Когнитивный компонент, отражающий образ у индивида своих качеств, способностей, значимости в социуме и др.
2. Аффективный компонент, в котором заключается то, как человек относится сам к себе, уважает ли он себя, любит ли он себя или, возможно, относится к себе с презрением;

3. Поведенческий компонент заключается в том, насколько индивид реализует на практике свои мотивы, цели в конкретных, подходящих под них актах поведения [6].

В.В. Столин выделял три уровня Я-концепции. *Первый* – физический «образ Я», который обуславливается потребностью в благополучии организма на физическом уровне. *Далее* выступает социальная идентичность, которая связывалась с потребностью каждого человека быть членом социума, стремиться к тому, чтобы быть им. И, наконец, *третьим компонентом* в данной структуре выступает дифференцирующий «образ Я», который характеризуется знаниями индивида о себе в сравнении с другими людьми. Этот компонент придает человеку ощущение собственной неповторимости и обеспечивает потребность в определении и реализации самого себя. Он указывал, что построение представлений о себе, «Я-концепции» осуществляется двумя путями: либо это поиск и классификация «образов Я», либо это поиск содержательных параметров «образов Я» [7].

Таким образом, существует множество разнообразных теорий, взглядов и подходов, так или иначе раскрывающих содержание понятий «образ Я», «Я-концепция» у подростков. Они сложны и многогранны. Особо следует отметить, что Я-концепция влияет на формирование целостной личности подростка, на ее поведение, действия, отношения с окружающими людьми.

Одиночество — одна из самых сложных для современного человека психологических проблем, и с каждым годом она становится все острее в связи с сокращением непосредственного контакта с людьми и общением, опосредованным цифровыми технологиями. Современное общество претерпевает сейчас глобальные изменения, в том числе, связанные с пандемией, которые отразятся на подрастающем поколении. Одной из возможных проблем может выступать возникновение трудностей в социализации подростков, так как их ведущая деятельность, а именно общение со сверстниками, затрудняется введением дистанционного обучения и введением ограничений на проведение массовых мероприятий. Вынужденная

изоляция может повышать вероятность возникновения чувства одиночества среди подростков, поэтому мы считаем, что одиночество как объективная психологическая проблема современности не утрачивает своей актуальности, и разделяем мнение Н.Е. Покровского, который называет одиночество «чумой XX века», которая требует серьезного осмысления, теоретических и экспериментальных научных исследований [8].

По мнению А.А. Артамоновой [9], О.Б. Долгиновой [10], И.С.Кона [11], Е.В. Неумоевой [12], Е.Е. Роговой [13; 14], Э. Эриксона [15], одиночество имеет место в любом возрасте, оно остро переживается в подростковом, юношеском возрасте. Подростки болезненно переживают одиночество, чувствуют себя оторванными от окружающих, чувствуют обиду, грусть, печаль, страх. В юношеском возрасте, в отличие от подросткового, часто возникает понимание или интуитивное угадывание значимой положительной роли одиночества в становлении личности, и человек в этом возрасте может сознательно выбирать одиночество.

Что касается изучения факторов, связанных с одиночеством, то в отечественной науке данным вопросом занимался ряд ученых, одним из которых, является О.В. Курицына [16], которая выявила, что факторами данного явления могут выступать трудности в установлении контактов с окружающими, заниженная самооценка, неприятие критических оценок своей личности, слабое развитие навыков коммуникации, низкая социализация. И.Л.Шелехов и Е.С. Федчишина выделяют такие факторы одиночества, как низкая самооценка, недостаточное развитие навыков коммуникации, агрессивность характера, а также наличие неразрешенного внутреннего конфликта. Проведенное учеными исследование обнаружило взаимосвязь между наличием внутриличностного конфликта и высоким уровнем одиночества [17].

Е.В. Неумоева говорит о проблеме одиночества как о явлении, затрагивающем разные возрастные периоды и имеющем свои особенности на разных этапах жизненного пути личности. Л.С. Выготский в своей теории не

обсуждает влияние одиночества намеренно, но связывает его с другими явлениями подросткового возраста, то есть описывает своего рода механизмы, влияющие на его возникновение. В качестве такого механизма им выделяется рефлексия как «направленность познания на самого себя» [18].

При анализе проявления одиночества человека на разных возрастных этапах Г.М. Тихонов выявил, что в юношеском возрасте чувство одиночества достаточно распространенное явление, протекающее очень интенсивно [19]. Также он считает, что повышенную вариабельность и многогранность одиночества среди подростков можно объяснить разнообразием способствующих факторов, которые в целом можно объединить в три группы.

Первая группа – одиночество, возникающее в результате расставания подрастающего ребенка с родителями. Факторы возникновения одиночества, вызванного физическими и психологическими изменениями, когнитивным развитием, не способны в полной мере компенсировать воздействие на человека внешней среды, желание обрести самостоятельность, стремление к приобретению значимости, преобразование собственного «Я».

Вторая группа факторов связана с социальными структурами и культурными процессами: различные социальные роли, маргинальность, стремление к независимости, отвержение значимым окружением и роль неудачника, завышенные ожидания и требования, социальные сопоставления непосредственно внутри молодежной субкультуры, изменение структуры семьи, проблемные взаимоотношения между родителями и детьми.

Третья группа факторов – факторы, связанные непосредственно с особенностями личности, такие как заниженная самооценка, робость, возникновение чувства бессилия, апатии и бесцельности, эгоцентризм, скудные социальные навыки.

Методы исследования

Для проведения эмпирического исследования мы использовали комплексный опросник «Одиночество» Е.Е. Роговой и шкалу детской Я-

концепции Пирса-Харриса в модификации А.М. Прихожан. Данные методики соответствуют возрасту испытуемых — 12–17 лет.

Достоверность результатов исследования обеспечена посредством применения стандартных методов математической статистики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена). При математической обработке данных использован многоцелевой пакет статистических программ SPSS Statistic. 22 для Windows.

В исследовании приняли участие обучающиеся 6–9 классов школ г. Ростова-на-Дону в количестве 115 человек.

Результаты и обсуждение

В нашем исследовании мы поставили перед собой задачу изучить Я-концепцию у подростков с разным уровнем переживания одиночества.

Согласно данным, полученным в ходе исследования, становится понятно, что высокий уровень одиночества присущ в большей степени эмоциональному и поведенческому видам одиночества (рис. 1).

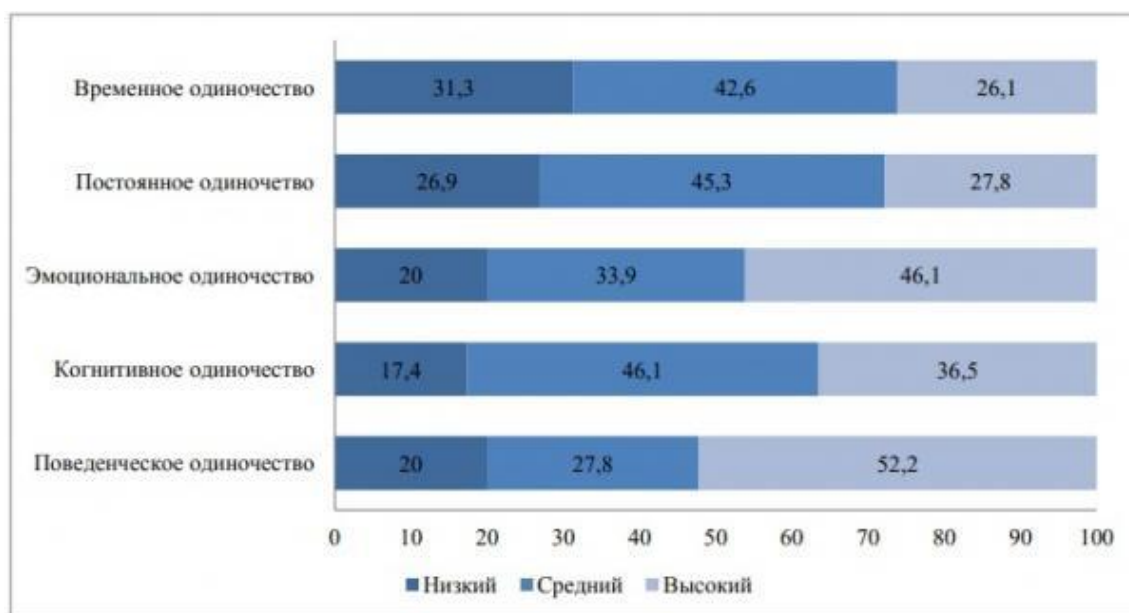

Рисунок 1. Проявление одиночества в подростковом возрасте (в%) (составлено автором)

Поведенческое одиночество проявляется в потере связи с окружающими, отсутствии доступного круга социального общения (отсутствии значимых дружеских связей или чувства общности),

невключенности подростка в референтную для него группу сверстников. Высокий уровень данного вида одиночества у большинства опрошенных (52,2%), по нашему мнению, объясняется тем, что исследование проводилось в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации на территории РФ, вследствие чего обучающиеся долгое время находились на дистанционном обучении, не имея возможности непосредственного общения с учителями, одноклассниками и друзьями.

Эмоциональное одиночество проявляется в результате отсутствия тесной привязанности с каким-либо лицом или разрыва подобных эмоциональных связей, если таковые уже были. Что касается данного вида одиночества, то высокий уровень одиночества у опрошенных (46,1%) по этому виду можно объяснить тем, что подростки, для которых ведущим типом деятельности является интимно-личностное общение со сверстниками, вынуждены были заменить формат непосредственного общения общением посредством социальных сетей и мессенджеров.

Когнитивный вид одиночества характеризуется осознанием ситуации собственной депривации (внутреннее ощущение одиночества, опустошенности). По результатам диагностики данный вид одиночества присущ опрошенным подросткам на среднем уровне (46,1%).

Исследование взаимосвязи одиночества и составляющих Я-концепции подростков проводилось с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Как видно из таблицы 1, поведенческое одиночество имеет обратную взаимосвязь со шкалами Я-концепции «Ситуация в школе», «Общение, популярность среди сверстников» и «Уверенность в себе». С первой шкалой у поведенческого одиночества умеренная связь, на наш взгляд, такой результат получен в силу того, что для подростков большое значение имеет общение и чувство общности с референтной группой людей, которой в этом возрасте является группа сверстников или одноклассников. Поскольку школа является социальным институтом, где подросток может удовлетворить потребность в

общении, но этого не происходит, он испытывает чувство одиночества, и отношение к школе меняется, он начинает оценивать школьную ситуацию как неблагоприятную. Со второй шкалой у поведенческого одиночества установлена тесная связь. Высокая степень связи, на наш взгляд, обусловлена тем, что подростки, которые удовлетворены своим умением общаться, не испытывают серьезных затруднений в процессе налаживания дружеских отношений, вследствие чего высокого уровня поведенческого одиночества у них не наступает. С третьей шкалой данный вид одиночества имеет связь средней степени выраженности, что свидетельствует о том, что подростки, испытывающие поведенческое одиночество, склонны чувствовать себя неуверенно из-за неудовлетворенной потребности в социальных контактах со сверстниками.

Таблица 1

**Взаимосвязь разных видов одиночества
и составляющих Я-концепции в подростковом возрасте**

Одиночество	Я-концепция				
	ситуация в школе	общение	уверенность в себе	счастье и удовлетворенность	положение в семье
Поведенческое	-0,378**	-0,749**	-0,518**		
Когнитивное				-0,206*	-0,656**
Эмоциональное				-0,237*	-0,562**
Постоянное		-0,282**		-0,453**	

Составлено автором

В свою очередь, обратная связь выявлена между когнитивным одиночеством и шкалами «Счастье, удовлетворенность», «Положение в семье». С первой шкалой установлена слабая связь ($r = -0,206^*$), а со второй – связь средней степени ($r = -0,656^{**}$). Когнитивное одиночество характеризуется осознанием ситуации собственной депривации (внутренним ощущением одиночества, опустошенностью), это психологическое состояние может способствовать оценке своей жизненной ситуации как неблагоприятной. Что касается второй взаимосвязи, то неудовлетворенность положением в семье включает непонимание или пренебрежительное отношение к проблемам подростка со стороны взрослых, приводя к осознанию равнодушия и безразличия близких людей, провоцируя тем самым состояние одиночества. Эмоциональное одиночество, согласно полученным

результатам, также связано со шкалами «Счастье, удовлетворенность», «Положение в семье». Такое одиночество появляется в результате отсутствия тесной привязанности с каким-либо лицом или разрыв подобных эмоциональных связей, если таковые уже были, что связано с оценкой своей жизненной ситуации как неудовлетворительной из-за отрицательных эмоций и неприемлемости одиночества для подростка.

Эмоциональное одиночество также связано с неудовлетворенностью своим положением в семье, так как одной из причин возникновения служит эмоциональная холодность родителей.

Анализируя взаимосвязи постоянного одиночества с составляющими Я-концепции, мы выявили отрицательную слабую взаимосвязь со шкалой «Общение, популярность среди сверстников» ($r = -0,282^{**}$) и умеренную обратную взаимосвязь со шкалой «Счастье, удовлетворенность» ($r = -0,453^{**}$). При отсутствии на протяжении долгого времени психоэмоциональных связей с людьми развивается чувство неудовлетворенности общением и жизненной ситуацией в целом. Характер выявленных связей представлен высоким уровнем постоянного одиночества при низкой самооценке популярности среди сверстников, умения выстраивать коммуникацию и ощущении неудовлетворенности жизнью.

Таким образом, как показало исследование, подростки, испытывающие одиночество, прежде всего переживают неудовлетворенность жизненной ситуацией. Одиночество может служить барьером между личностью и миром, тем самым выполняя защитную функцию, а также является причиной зависимости от жизненных обстоятельств и других людей. Однако при определенных условиях оно может становиться фактором самопознания личности, развития и сохранения индивидуальности и стабилизации психофизического состояния, творчества и самосовершенствования, а также способствовать объединению свободы и ответственности в единый механизм саморегуляции активности личности.

Проблема одиночества в современном обществе является одной из главных проблем социума, поэтому ее многообразные аспекты требуют систематического комплексного исследования, а также разработки практических методов психологической помощи подросткам, переживающим чувство одиночества. Ведь особенности переживания одиночества по-разному определяют перспективы развития подростка, а эти особенности, в свою очередь, сами зависят от степени осознания и обращенности к своим ресурсам и возможностям.

Полученные результаты могут применяться в работе педагогами-психологами образовательных учреждений в консультативной практике по запросам, связанным с одиночеством, низкой самооценкой, трудностями в межличностном взаимодействии подростков со сверстниками и взрослыми.

Список литературы

1. Джонг-Гирвельд Д., Раадшелдерс Д. Типы одиночества // Лабиринты одиночества: сб. / Под ред. Н.Е. Покровского. - М.: Прогресс, 1989.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. - М.: Прогресс. 1986. - 416 с.
3. Роджерс К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2016.
4. Фрейд А. Введение в детский психоанализ. Норма и патология детского развития. «Я» и механизмы защиты. - Минск: Попурри, 2010. - 447 с.
5. Слободчиков И.М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. №3.
6. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. - М., 2015.
7. Столин В.В. Самосознание личности. - М.: МГУ, 1983.
8. Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. - М., 2008.
9. Артамонова А.А. Одиночество как социально-психологическое явление // Достижения биологической физиологии и их место в практике образования: материалы Всероссийской конференции с международным участием. - Самара, 2003.
10. Долгинова О.Б. Изучение одиночества как психологического феномена // Прикладная психология. 2000. №4.
11. Кон И.С. Многоликое одиночество // Популярная психология: Хрестоматия / Сост. В.В. Мироненко. - М.: Просвещение, 1990.
12. Неумоева Е.В. Одиночество как общественно-историческое явление и как явление индивидуальной жизни // Гуманитарный вектор.

Вестник Забайкальского отделения Академии гуманитарных наук. 2002. № 1–2(10–13). С. 23–29.

13. Рогова Е.Е. Влияние одиночества на зависимое поведение подростков // *Общественные науки*. 2016. № 6–2. С. 365–371.

14. Рогова Е.Е. Проблемная область одиночества в современном обществе // *Общество: политика, экономика, право*. 2010. №1.

15. Эриксон Э. *Детство и общество*. - СПб: Питер, 2018.

16. Курицина О.В. Социальный аспект одиночества // *Вестник Казанского технологического университета*. 2010. №3. С. 320–324

17. Шелехов И.Л., Федчишина Е.С. Внутриличностный конфликт и одиночество // *Вестник ТГПУ*. 2013. №6. С. 164–170.

18. Выготский Л.С. *Психология развития ребенка (сборник)*. - М.: Эксмо; Смысл, 2005.

19. Тихонов Г.М. *Одиночество: стереотип и реальность*. - Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2005. - 376 с.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЙ УСПЕХА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. А. Клепинин

(Москва, Россия)

Сведения об авторе: *КЛЕПИНИН Дмитрий Александрович*, соискатель Академии Национального образования и науки, старший преподаватель Московского института психоанализа, Московского социально-педагогического института, директор Первой кадровой студии, бизнес-тренер. С 1999 года в профессиональном обучении. Активно в теории и практике занимается проблемами самоорганизации, профессионального развития и самоопределения, исследованиями факторов, влияющих на профессиональное становление и достижения высокого уровня развития в профессии. E-mail: kepinin@1-ks.ru

Аннотация: В статье рассматривается структура и динамика мотивации достижения успехов в процессе получения студентом профессионального образования. Анализируется происхождение завышенной тревожности, снижение самооценки в процессе обучения в высшем учебном заведении. Определяются две основные составляющие в саморегуляции студента, такие как целенаправленность деятельности и потребность личности в самовоспитании (самоизменении). Автор рассматривает классические подходы к измерению мотивации достижения успехов и выделяет три группы мотивов достижения в учебной деятельности взрослых. В статье также представлены индивидуальные особенности и динамика формирования мотивации достижения у студентов-психологов. Автор выделяет три блока мотивов профессиональной учебной деятельности и два основных компонента профессиональной рефлексии студента-психолога: ситуационный и перспективный и анализирует взаимовлияние мотивов учебной деятельности.

Ключевые слова: мотив, деятельность, мотивация достижения, профессиональный успех, студент, самооценка, перспектива.

Motivation of achievements and successes in professional educational activity

D. A. Klepinin

Abstract: The article examines the structure and dynamics of motivation to achieve success in the process of obtaining a student's professional education. The author analyzes the origin of excessive anxiety, a decrease in self-esteem in the process of studying at a higher educational institution. Two main components in the student's self-regulation are determined, such as the purposefulness of activity and the need of the individual for self-education (self-change). The author examines the classical approaches to measuring the motivation for achieving success and identifies three groups of achievement motives in adult learning activities. The article also presents the individual characteristics and dynamics of the formation of achievement motivation among psychology students. The author identifies three blocks of motives of professional educational activity and two main components of professional reflection of a student psychologist: situational and perspective and analyzes the mutual influence of motives of educational activity.

Keywords: motive, activity, achievement motivation, professional success, student, self-assessment, perspective.

Под мотивацией достижения принято понимать внутреннее состояние, порождающее активное, настойчивое и целенаправленное поведение в ситуации выполнения поставленной перед человеком задачи, когда

определены некие стандарты качества и результат может быть оценен в терминах «успеха» или «неудачи». Люди, мотивированные на успех, обычно ставят перед собой в деятельности некоторую положительную цель, достижение которой может быть однозначно расценено как успех. Они отчетливо проявляют стремление во что бы то ни стало добиваться только успехов в своей деятельности, ищут такую деятельность, активно в нее включаются, выбирают средства и предпочитают действия, направленные на достижение поставленной цели. Ориентированные на успех, они более адекватно оценивают свои возможности, успехи, неудачи и проявляют большую настойчивость в достижении поставленной цели.

Иначе ведут себя люди, мотивированные на избегание неудачи, выраженная цель которых заключается не в том, чтобы добиться успеха, а в том, чтобы избежать неудачи. Человек проявляет неуверенность в себе, не верит в возможность добиться успеха, боится критики, имеет завышенную или заниженную самооценку. Проявление таких качеств не может считаться показателем высокого уровня профессионализма. Следовательно, задача высшего образования заключается в ориентации на формирование мотивации достижения в процессе воспитания профессионала.

Уровень мотивации достижения относится также к степени трудности той задачи, которую готов взять на себя человек. При доминировании мотивации достижения успеха человек предпочитает задачи средней или слегка повышенной степени трудности, а при преобладании мотивации избегания неудачи – задачи более трудные или наиболее легкие [10]. Такая поляризация в равной степени не может считаться удачным способом приложения сил профессионала, поскольку наиболее легкие задачи не представляют никаких возможностей для дальнейшего профессионального развития, а наиболее трудные задачи могут привести к серьезным неудачам, что может негативно сказаться на результате деятельности, самооценке, отношении к профессии и на личностном развитии. Учитывая тот факт, что мы обсуждаем профессию «психолог», этот момент кажется нам довольно

убедительным в плане необходимости формирования мотивации достижения у студентов.

В психологических исследованиях мотивации сложилась определенная дихотомия: «стремление к успеху или избегание неудачи». Очевидно, что любая жизненная ситуация, которую можно рассматривать в терминах успеха или неудачи, предполагает возможность совместного проявления данных мотивов. В работах М. Хорнер было впервые рассмотрено и такое парадоксальное явление, как «боязнь успеха». Боязнь неудачи и боязнь успеха связаны неразрывно, что объясняет поведение учащихся, которые «работают ниже своих возможностей».

Что приводит к боязни успеха? Возможна ситуация, при которой высокое достижение соответствующим образом повышает планку «социальных ожиданий», и каждая следующая проверка собственной состоятельности вызывает повышенную тревогу. Ради того, чтобы избавиться от тревоги, субъект отказывается даже от вполне разумных амбиций. По этой схеме формируется и «комплекс отличника». Признанный отличник, стипендиат, от которого все ожидают только пятерок, может оказаться в довольно неприятной ситуации на экзамене. Уровень тревожности у него оказывается слишком завышенным, он опасается того, что-либо его знаний будет недостаточно для отличной оценки, либо оценка будет занижена по причине стресса.

Роль отличника, по мнению Г. Салливана – не что иное, как социально одобряемая компенсация неудач в иных сферах жизни. Подросток, не добившийся высоких результатов в подвижных играх, спорте, танцах, общении со сверстниками, начинает усиленно культивировать свои академические способности. Он добивается похвалы со стороны родителей и учителей, но общаться вынужден крайне избирательно - лишь с себе подобными. Похожие взгляды можно найти еще у З. Фрейда при описании механизма компенсации и замещения по типу интеллектуализма. И в том, и в другом случае можно выделить личностный компонент, который, страдая,

искажает картину оптимальной мотивации, является, по сути одним из важных факторов построения негативной мотивации (мы говорим о таком компоненте, как самооценка).

Самооценка – одна из центральных характеристик психического развития. Особенно велико ее значение в раннем юношеском возрасте, когда завершается очень существенный этап личностного формирования человека. Под адекватной самооценкой у студента понимается высокая (но не завышенная) самооценка, так как, только обнаруживая уровень притязаний, соответствующий уровню сложности задач несколько выше имеющихся возможностей, он мобилизует свои силы, старается и тем самым развивается дальше. Это вполне согласуется с идеей Л.С. Выготского об обучении, соответствующем зоне ближайшего развития.

Формирующаяся самооценка в значительной мере обуславливает потребность в достижении и уровень притязаний. Она проверяется путем соизмерения, выраженного в ней уровня притязаний с фактическими результатами деятельности. В других случаях самооценка сравнивается с оценкой, данной другими людьми (преподавателями, родителями, близкими взрослыми), выступающими в качестве экспертов. Часто самооценка служит средством психологической защиты. Желание иметь положительный образ «Я» нередко побуждает юношу преувеличивать свои достоинства и преуменьшать недостатки.

Самооценка непосредственно связана с саморегуляцией поведения и деятельности. Успешность учебной деятельности во многом зависит от умения студентов организовывать свою учебную деятельность и поведение. Самооценка является основной частью самосознания, а самосознание является основным из компонентов личности. Поэтому воспитание правильной, адекватной способностям самооценки очень важная педагогическая задача [8].

В саморегуляции студента можно выделить две основные составляющие – *способность к достижению цели* (целенаправленность деятельности) и *потребность личности в самовоспитании* (самоизменении). Если первая

составляющая отражает исполнительскую сторону саморегуляции, то вторая – потребностную. Эти компоненты соотносятся с уже сложившимся к юношескому возрасту уровнем саморегуляции, который выражается в определенной степени собранности, организованности, самостоятельности. Таким образом, потребность в самовоспитании выражает тот уровень саморегуляции, которого человек хочет достичь, а целенаправленность – реальный уровень.

Потребность в самовоспитании возникает на определенном этапе личностного развития и становится одним из существенных его показателей. Этому предшествует длительный период познания самого себя: интерес к себе, оценка собственных личностных качеств, анализ имеющихся желаний, возможностей, способностей, достоинств, недостатков. В дальнейшем со все большим развитием способности к рефлексии, самооценка включает в себя представления о себе, исходящие из общества и преломляющиеся через призму индивидуального плана сознания.

Бессознательное желание избавиться от прежних детских идентификаций активизирует рефлексию подростка, а также чувство своей собственной уникальности, непохожести на других [6]. Нам кажется, что эта рефлексия сохраняется и в юношеском возрасте, только здесь она осложняется, расширяясь до границ осмысления своего профессионального становления. Студент сталкивается с необходимостью воспитать в себе профессионала. В самом начале обучения эта необходимость практически не осознается, а к окончанию вуза часто приходит понимание того, что этот процесс так и не состоялся.

Эффективность самовоспитания зависит от адекватности самооценки, ее соответствия реальным способностям и возможностям. Высшее развитие потребности в самовоспитании – стремление к постоянному самосовершенствованию. Однако такой уровень потребности в самовоспитании встречается чрезвычайно редко. По крайней мере, на ранних

этапах профессионального обучения на очном отделении вуза он практически не выражен.

Можно регистрировать изменение вектора самовоспитания, вызванное формированием специфического образа «Я-идеального» в «Я-концепции» современных юноши или девушки средствами mass media, ориентированными на молодежное поколение. В таком случае самосовершенствование понимается как непрекращающаяся работа над внешней составляющей образа посредством применения экстравагантного стиля в одежде, различных косметических средств и украшений. Можно заметить, что внешность является достаточно значимым компонентом в самооценке человека юношеского возраста, ориентированного на общение и установление аффилиативных связей. Однако, в некоторых случаях стремление контролировать свою внешность начинает приобретать характер тревожности, связанной с атрибутивным компонентом самооценки, с тем, как данный молодой человек будет оцениваться окружающими. Такой юноша или девушка производят впечатление того, что чувство взрослости у них перешло из подросткового в юношеский возраст. Нам представляется, что здесь происходит снижение самооценки и одновременный рост уровня притязаний в аффилиативном и атрибутивном компонентах рефлексии, что тесно связано с формированием мотивации по типу избегания неудачи и нарушением саморегуляции.

Саморегуляция деятельности возможна при развитой потребности и способности к рефлексии. Интеллектуально активный ученик владеет навыками самонаблюдения и оценивания собственных состояний, чувств, поведения. Создание в образовательном процессе рефлексивной среды, побуждение к рефлексии - одно из существенных направлений деятельности педагогов вуза.

Рефлексия рассматривается как условие развития у студента целостного представления о себе, как условие развития позитивной, оптимистической Я - концепции. Вопрос «кто я?» подразумевает оценку не столько наличных черт,

сколько перспектив и возможностей: кем я стану, получив профессию, что случится со мной в будущем, как и зачем мне строить профессиональную карьеру?

Рефлексия имеет огромное значение для педагогов, так как обеспечивает развитие творческого потенциала личности студента. Стремление к совершенству и выбор высокого, по сравнению с личными достижениями и свойствами «Я», уровня притязаний кажутся незначительными. Конфликт реального и идеального «Я» разрешается в деятельности. Студент может ставить перед собой сложные задачи, и в этом проявляется его самоуважение. Зная ученика, круг его интересов, его способность преодолевать трудности и достигать поставленных целей, учитель имеет возможность корректировать ученика (учить его несколько умерять уровень своих притязаний, или на оборот повышать этот уровень и веру в самого себя) [6]. Нам думается, что эти мысли И.С. Кона вполне можно отнести и к студентам.

Важным условием оптимального психического развития студента является эмоциональное самочувствие. Переживание студентом устойчивого эмоционального неблагополучия свидетельствует о том, что не удовлетворены его важнейшие потребности, связанные с внутренней позицией. Это одновременно и показатель наличия проблемной ситуации, и основа для формирования новой иерархии в структуре мотивов учебной деятельности, поскольку неудовлетворенность потребности является пусковым механизмом к формированию мотивации. Именно от педагогов вуза зависит, какой будет эта мотивация, пойдет ли их воспитанник по пути мотивации достижения или мотивации избегания.

Одной из форм эмоционального неблагополучия является тревожность, проявляющаяся в склонности переживать объективно нейтральные учебные ситуации как угрожающие его самооценке, представлению о себе, интересам и ценностям. Это приводит к хроническому состоянию повышенного нервно-психического напряжения, которое просто не может сопутствовать адекватной профессионализации. Кроме того, тревожность, способствуя выполнению

относительно простых задач, препятствует осуществлению трудных, а также снижает продуктивность деятельности в новых или более сложных ситуациях, прежде всего при усилении оценочного компонента, например, во время экзаменов. Выявление школьной тревожности по мнению А.А. Дусавицкого, необходимо потому, что тревожность иногда выступает в качестве мотивационной основы учебной деятельности, препятствуя формированию подлинно познавательной мотивации [4]. Не меньшая тревожность может быть зарегистрирована и в вузе. Причем, к уже «привычным» формам школьной тревожности здесь добавляются новые, основанные на таких факторах, как новая система обучения, новые формы общения со сверстниками, с преподавателями и т.д. По итогам первой сессии уровень тревожности может заметно увеличиваться, причем эта тревожность, по мере взросления и развития студента, будет больше регистрироваться в ситуативной, чем в личностной форме.

Юношеский возраст - ответственный период в становлении личности человека, системы отношений, интересов, ценностей, социальной направленности личности. В этом возрасте существенное развитие претерпевает самооценка, чувство самоуважения, уверенности в себе. Поэтому, именно на работе с такими компонентами, как самооценка, тревожность и мотивация достижения, основана суть нашей модели воздействия на студентов психологического факультета. Для определения возможностей и границ применения этой модели, каждый из названных показателей должен быть измерен. Если измерение уровня самооценки и показателей тревожности затруднений не вызывает, то такую переменную, как мотивация достижения успехов можно, пользуясь современными методиками, измерить на уровне статики, но трудно отразить в динамике.

Измерение мотивации достижения.

В процессе изучения мотивации достижения неоднократно предпринимались попытки определить качественное и количественное отношение факторов, участвующих в построении такой мотивации, в первую

очередь решить вопрос о том, какой тип поведения предпримет индивид под влиянием различных факторов. Можно привести в качестве примера несколько таких попыток.

В 1955 году на проходившем в штате Небраска (США) симпозиуме по мотивации, Дж. Роттер (Rotter J.B., 1955) высказывает идею о значимости социальной ситуации в детерминации управления поведением человека и представляет выбор возможной альтернативы действия в виде формулы:

$$BP = f(E \& RV),$$

определяющей *поведенческий потенциал* (BP – behavior Potential) в зависимости от таких двух составляющих, как *сила ожидания* (E – Expectancy – ожидание). Здесь утверждается, что поведение X в ситуации S₁ приведет к *подкреплению* (R - Reinforcement – подкрепление), и такой составляющей как *ценность подкрепления* (RV – Reinforcement Value – ценность подкрепления) в данной ситуации. Таким образом, среди возможных альтернатив в ходе борьбы мотивов победит та, поведенческий потенциал (BP) которой окажется выше.

В работе Дж. Роттера достаточно хорошо прописаны понятия «ожидание» и «ценность подкрепления», но не показан тип связи между этими конструктами. Более того, в дальнейших исследованиях, инициированных теорией социального научения Роттера, как показывает Х. Хекхаузен (2003), основное внимание уделялось исключительно такой переменной как «ожидание», определяемой следующими двумя независимыми переменными: во-первых, *специфическим ожиданием* E (согласно накопленному опыту в данной ситуации конкретное ожидание ведет к определенному подкреплению); во-вторых, *обобщенным ожиданием* GE (результат обобщения широкого спектра схожих ситуаций и способов поведения):

$$E = f(E \& GE)$$

Включение в концепцию мотивации достижения успехов понятия «обобщенное ожидание» позволило дифференцировать индивидов по такой характеристике, как локус контроля, поскольку в нем учитывались

обобщенные ожидания, охватывающие целые области жизненных ситуаций, которые поддаются в большей степени воздействию либо субъекта (внутренний контроль), либо внешних факторов (внешний контроль). Однако, как уже отмечалось выше, фокус исследования оказался смещенным в сторону, по сути, лишь одной из заявленных переменных. Кроме того, вряд ли можно рассматривать, как достаточную, попытку свести мотивацию человеческого поведения к уровню научения, а именно в рамках концепции социального научения осуществлялись исследования Дж. Роттера. Мы говорим о том, что мотивация социального поведения может быть сформирована, но в процессе формирования не разумно отказываться от роли сознания, напротив, необходимо контролировать мотивацию достижения успехов преимущественно через сознательную деятельность.

Гораздо более широко измерение мотивации рассмотрено в *модели выбора риска* Дж. Аткинсона [10]. Теория Аткинсона является продолжением теории результирующей валентности Левина, Дембо, Фестингера и Сирса, предложенной еще в начале 40-х г.г. XX века. Дж. Аткинсон связал умножаемые на ожидание ценности успеха и неуспеха с личностным параметром силы мотива. Ценность успеха стала пропорциональной мотиву достижения успеха, а ценность неуспеха – пропорциональной мотиву избегания неудачи. Побудительность успеха или неудачи при выполнении определенного задания определяется лишь воспринимаемой сложностью этого задания, но не зависит от силы мотива или мотивации. В то же время, воспринимаемая сложность задания зависит от того, насколько индивид чувствует себя способным справиться с заданием.

Субъективные вероятности успеха или неудачи Аткинсон рассматривал как взаимодополняющие величины. *Вероятность успеха* (W_e) и *вероятность неудачи* (W_m) в сумме составляют единицу:

$$W_e + W_m = 1, \text{ т.е. } W_m = 1 - W_e$$

Ощущение успеха, при такой трактовке, является тем большим, чем меньше были шансы на успех, а ощущение неудачи – тем большим, чем легче

казалось задание. Таким образом, *привлекательность успеха* (A_e) и *боязнь неудачи* (A_m) возрастают по мере уменьшения *вероятности успеха* (W_e) и *вероятности неудачи* (W_m):

$$A_e = 1 - W_e; A_m = 1 - W_m = - W_e, \text{ поскольку } W_m = 1 - W_e$$

Это положение интересно сравнить с классическим пониманием валентности у К. Левина [7]. Левин пришел к заключению, что потребность имеется всегда, когда существует валентность. Спорной была обратная зависимость. Ведь потребность может существовать без того, чтобы в окружающем мире уже имелись возможности ее удовлетворения, которые могут приобрести характер валентности. Впрочем, положение о создании потребностью соответствующей валентности можно было бы сохранить, если принять, что в ирреальном плане жизненного пространства существует представление о желаемом. Хотя Левин и не считал правомерным утверждение, что валентность создает потребность, он сделал шаг к его принятию, приписав валентности свойства, не зависящие от соответствующего состояния потребности, а присущие природе объекта. Так, например, пища независимо от наличия голода у того, кто ее видит, обладает различной степенью, возбуждающей аппетит притягательности. Таким образом, валентность (V_a) имеет, по Левину, два детерминанта. Она есть функция напряжения потребности личности (t , tension – напряжение) и воспринимаемой природы целевого объекта (G , goal – цель):

$$V_a (G) = f (t, G)$$

Дж. Аткинсон, по сути, рассмотрел валентность как величину, состоящую из двух компонентов: зависящую от трудности задания переменную побудительности (A вместо G) и личностную переменную мотива (M вместо мотивационной переменной t). Затем эти переменные были соединены Аткинсоном в понятиях *валентности успеха* (V_e) и *валентности неудачи* (V_m) следующим образом:

$$V_e = M_e \times A_e ; V_m = M_m \times A_m$$

То есть, успех при выполнении задания одной и той же субъективной сложности для индивида с высоким уровнем мотива успеха должен обладать большей валентностью, чем для индивида с низким мотивом успеха. То же относится и к валентности неудачи для индивидов с различной по силе мотивами неудачи.

Необходимо отметить, что эти положения прошли доскональную проверку только спустя 30 лет в исследованиях, описанных Ф. Халишем и Х.Хекхаузеном в 1988 [10].

Обобщая результаты эмпирической проверки этой модели, авторы предложили добавить к ней *субъективную вероятность достижения успеха* (W_e) и, соответственно, *избегания неудачи* (W_m), получив, таким образом, *тенденцию стремления к успеху* (T_e) и *избеганию неудачи* (T_m):

$$T_e = M_e \times A_e \times W_e ; T_m = M_m \times A_m \times W_m$$

Это позволило выразить модель результирующей тенденции в виде алгебраической суммы тенденций успеха и неудачи: $T_r = T_e + T_m$, которая в развернутом виде принимает вид формулы:

$$T_r = (M_e \times A_e \times W_e) + (M_m \times A_m \times W_m)$$

Тенденция избегания неудачи из-за активной привлекательности избегания неудачи всегда имеет отрицательное значение (или равна нулю при $M_m = 0$). Аткинсон рассматривает мотив избегания неудачи как тормозящую деятельность силу. Если мотив избегания неудачи оказывается сильнее, чем мотив достижения успеха, то результирующая тенденция для всех уровней сложности будет негативной. Таким образом, индивид должен тем в большей степени избегать задания, чем сильнее негативная результирующая тенденция этого задания. Однако, если ему будет предписано выполнить это задание, то его старание и длительность приложения усилий (а при определенных условиях и уровень достижений) увеличатся. По результатам экспериментальных исследований, проведенных в рамках модели Аткинсона, Х. Хекхаузен делает вывод о том, что тенденция неуспеха проявляется в работе позитивно, побуждая приложить как можно больше усилий, чтобы

избежать внушающей страх неудачи или преодолеть более высокую степень трудности [10].

Модель выбора риска Аткинсона, дополненная Хекхаузенем представляет собой довольно интересный взгляд на детерминацию социального поведения. Но необходимо отметить ряд специфических ее особенностей. Данная модель в большей степени применима в лабораторных, идеальных условиях, поскольку определяет исключительно один биполярный мотив, не учитывает влияния других мотивов, и определяет результат деятельности субъекта как формирование непосредственной самооценки в связи с успешными или неудачными действиями. В исследованиях Х. Хекхаузена и поздних выводах Дж. Аткинсона были идеи о дополнительном влиянии экстринсивной мотивации, которые Х. Хекхаузен (2003) обозначил как *экстринсивную тенденцию* (T_{ex}), при наличии которой результирующая тенденция принимает следующий вид:

$$T_r = T_e + T_m + T_{ex}$$

Такое дополнение значительно увеличивает ценность модели Аткинсона, но, тем не менее, вызывает ряд дополнительных вопросов. Во-первых, исходя из того, что мотивация достижения или мотивация избегания может быть не только интринсивной, но и экстринсивной, не вполне ясно, насколько успешно можно соединять мотивационные тенденции в таком отношении. Во-вторых, при такой постановке вопроса мы, в принципе, исключаем из анализа экстринсивную мотивацию достижения успеха – избегания неудачи. В-третьих, введение такой переменной, как экстринсивная мотивация, требует более подробного описания экстринсивных мотивов, оказывающих влияние на выбор испытуемого.

Сам Х. Хекхаузен (2003) отмечает ряд специфических особенностей модели выбора риска, которые на наш взгляд, ограничивают ее использование с позиций воздействия и служат достаточным основанием к разработке новых подходов к решению проблемы мотивации достижения. Так, отмечается, что в модели Аткинсона привлекательность деятельности достижения сводится

исключительно к предвосхищению аффективной самооценки после возможного успеха или неудачи (в терминологии Дж. Аткинсона это «гордость» и «стыд» соответственно). При этом вне сферы рассмотрения остается привлекательность других следствий, связанных с темой достижения, например, изменение цели достижения, когда результат решения задачи, будучи направленным на новую цель, приобретает определенный инструментальный характер. Также вне фокуса рассмотрения остается привлекательность не связанных с темой достижения второстепенных целей (за исключением используемых в отдельных случаях экстринсивных тенденций).

Модель выбора риска применима только к задачам одного и того же класса, к задачам, отличающимся друг от друга лишь степенью объективной вероятности достижения успеха. Выбор между разнотипными задачами с одинаковой или разной степенью субъективной вероятности успеха в модели никак не отражается, что приводит к необходимости учитывать привлекательность дополнительных, связанных с определенным типом задач факторов (например, различия в степени их личностной значимости).

В то же время в этой модели можно выделить несколько перспективных моментов. В частности, Хекхаузен (2003) показывает, что разграничение в теме достижения успеха или избегания неудачи при соответствующей деятельности по решению задач зависит исключительно от субъективной вероятности успешного исхода действия. Поэтому, чтобы определить значение привлекательности (произведение ожидания и ценности), из ситуационных переменных (ожидание и ценность) достаточно рассмотреть субъективную вероятность успеха.

Данная модель представляет силу мотива избегания неудачи исключительно как отрицательную переменную. Это означает, что валентность неудачи ($T_m = M_m \times A_m \times W_m$) постоянно побуждает к уклонению от выбора задачи, от чрезмерного напряжения усилий и от продолжительной

деятельности. Это положение для нас имеет принципиальное значение, что будет подробно показано ниже.

В модели Аткинсона-Хекхаузена три переменные (*мотив × привлекательность × ожидание*) так соотносятся и связываются друг с другом, что средние вероятности успеха (задачи средней степени трудности) сильнее всего мотивируют к деятельности, ориентированной на достижение, при условии, что мотив успеха сильнее мотива избегания неудачи. Если же мотив избегания неудачи сильнее мотива достижения успеха, при условии отсутствия уклонения от деятельности, связанной с решением задач, то задачи средней трудности менее всего будут мотивировать к деятельности достижения [10]. Это положение должно учитываться при разработке стратегии воздействия, направленной на формирование мотивации достижения.

Дальнейшие исследования модели выбора риска [10] привели к расширению области ее применения так, что она стала охватывать переменные после выбора задания, такие, как величина и длительность усилий и достигаемые результаты. Эти рассуждения не были обоснованы ни эмпирически, ни теоретически. Было принято на веру, что максимальная разность между тенденциями успеха и неудачи не только задает выбор степени трудности задания, но и определяет начинающуюся после выбора работу над заданием. Нам представляется, что мотивацию необходимо рассматривать именно в динамике, поскольку в процессе деятельности может меняться как сила мотива, так и вектор в поле мотивация достижения успеха – мотивация избегания неудачи.

А.В. Захаровой (1989) представлена структурно-динамическая модель самооценки. Самооценка, по ее мнению, функционирует в двух основных формах — как общая и как частная (парциальная, или конкретная). Частные самооценки отражают оценку субъектом своих конкретных проявлений и качеств. Общую самооценку автор понимает, как иерархическую систему частных самооценок, находящихся в динамическом взаимодействии между

собой. А.В. Захарова выделяет в этой системе два основных компонента: один из них – это эмоционально-ценностное отношение личности к себе, а второй – когнитивный. Последнему компоненту отводится ведущая роль, поскольку он обобщает и синтезирует наиболее значимые для личности самооценки [5].

По временной отнесенности содержания автором выделяются следующие виды самооценки: прогностическая, актуальная и ретроспективная.

Функция прогностической самооценки — оценка субъектом своих возможностей, определение своего отношения к ним. Функцией актуальной самооценки является оценка и основанная на ней коррекция исполнительных действий по ходу развертывания поступка. Функция ретроспективной самооценки — оценка субъектом достигнутых уровней развития, итогов деятельности, последствий поступков и т.п. Характеристики этих видов самооценки: уровень притязаний, действия самоконтроля, мера критичности [5].

Поведение человека является полимотивированным и редко обусловлено одним единственным мотивом. Мотивами могут стать идеалы, мечты, чувства, стремления, интересы и многое другое. Мотивы классифицируются по видам вызывающих их потребностей и по конкретному содержанию деятельности, в которой они реализуются. Методы стимулирования и мотивации учебной деятельности выделены в самостоятельную группу методов обучения на следующих основаниях: во-первых, процесс обучения невозможен без наличия у учащихся определенных мотивов деятельности; во-вторых, многолетняя практика обучения выработала целый ряд методов, назначение которых состоит в стимулировании и мотивации учения при одновременном обеспечении усвоения нового материала (учебно-познавательные игры, учебные дискуссии, методы эмоционального стимулирования и др.). Другими словами, можно сказать, что проблема мотивации стоит в педагогической психологии

довольно давно. С самого своего начала педагогическая психология ищет наиболее действенные стимулы для оптимизации учебной деятельности.

Стимул – это внешнее побуждение человека к активной деятельности, поэтому стимулирование - это фактор деятельности преподавателя. Но стимул лишь тогда становится реальной, побудительной силой, когда он превращается в мотив, т.е. во внутреннее побуждение человека к деятельности. Причем, это внутреннее побуждение возникает не только под влиянием внешних стимулов, но и под влиянием самой личности студента, его прежнего опыта, потребностей и пр. Собственно, стимул всегда дает не только прямой, но и опосредуемый личностью обучаемого эффект. Один и тот же стимул может по-разному сказаться на мотивах разных студентов в зависимости от их отношения к этому стимулу, готовности отозваться на него и даже от настроения, самочувствия студента и пр. В учебном процессе очень важно добиваться того, чтобы педагогические стимулы превращались в положительные мотивы, обеспечивающие желание и активность студентов в овладении новым учебным материалом.

Мотивы достижения в учебной деятельности могут быть подразделены на три большие группы:

Первые связаны с содержанием самой учебной деятельности и процессом ее выполнения; вторые – с осознанием перспектив своего профессионального развития; третьи – с контактами студента с более широким социальным контекстом, осознанием себя как члена общества.

К первым относятся познавательные интересы, потребность в интеллектуальной активности и в овладении новыми умениями, навыками и знаниями; вторые определены рефлексивным компонентом и самооценкой себя в рамках профессионализации; третьи связаны с потребностями в общении с людьми, в их оценке и одобрении, с желаниями ученика занять определенное место в системе доступных ему общественных отношений.

Поэтому процесс обучения должен включать в себя не только «сухую» подачу фактов и содержания лекции, но и быть ориентированным на

становление личности будущего профессионала, на его развитие с учетом возрастных изменений, то есть быть личностно-ориентированным. Проблема личностно-ориентированного обучения много лет обсуждается в психолого-педагогической среде (И.С. Якиманская, В.А. Петровский и другие).

Индивидуальные особенности и динамика формирования мотивации достижения у студентов-психологов

Мотивационно-потребностная сфера включает в себя определенный уровень развития интересов, мотивации познавательной и учебной деятельности, потребности в самовоспитании и саморегуляции. Важным моментом, раскрывающим психологическую сущность отношения студентов к учебному процессу, становится та совокупность мотивов, которая определяет их учебную деятельность. Одни из них связаны с содержанием самой учебной деятельности и процессом ее выполнения, вторые – с рефлексивным компонентом, третьи – с более широкими взаимоотношениями студента с окружающей средой, с так называемым широким социальным контекстом. Эти мотивы, необходимые для осуществления не только учебной, но и любой другой деятельности, воплощают в себе те стремления и потребности учащегося, которые вытекают из всех обстоятельств его жизни и связаны с основной направленностью его личности.

Мы рассматриваем возможность формирования мотивации достижения успехов студентов-психологов по следующим основным направлениям:

1. Познавательный блок;
2. Профессиональный блок;
3. Социально-мотивационный блок;

Первый и второй блоки относятся к оценке индивидом своей личности, а третий – косвенно связан с оценкой внешней ситуации. Рассмотрим эти направления более подробно.

Познавательный блок представлен мотивами, обеспечивающими познавательную деятельность, основанными на потребности в информации (Ломов Б.Ф.). Это мотивы, обеспечивающие познавательные процессы и

учебные интересы студентов, потребность в интеллектуальной активности и в овладении новыми умениями, навыками, знаниями. Мы причисляем к этому блоку такие мотивы как: *мотив самопознания, мотив получения профессионально-значимой информации, мотив эмпирического познания, мотив теоретического познания.*

Мотив самопознания направлен в сторону самоусовершенствования личности. Этот мотив может стать ведущим в случае, если для студента большое значение имеет неудовлетворенность объемом и качеством информации о собственной личности. Такие студенты испытывают настоятельную потребность «разобраться в себе», «понять причины своих поступков», «стать лучше».

Мотив получения профессионально-значимой информации просматривается у студентов, получивших определенный опыт психологической практики на житейском уровне. Чаще такой мотив демонстрируют более старшие студенты заочного отделения. Имея определенный опыт оказания «психологической» помощи и получения информации, такой человек постепенно приходит к неудовлетворенности своим профессиональным развитием, что и служит пусковым механизмом к формированию данного мотива. По нашему мнению, этот мотив отличается от мотива получения диплома о высшем образовании, который мы рассмотрим ниже.

Мотивы эмпирического и/или теоретического познания могут быть зарегистрированы в том случае, если сознание студента ориентировано на научное познание мира. Такой студент еще до поступления в вуз знает, что получение им высшего образования является ступенью к научной деятельности. В зависимости от преобладающего типа мышления он может представлять себе либо экспериментальную, либо теоретическую деятельность как способ познания мира, выраженного в данном случае через психику человека. Б.И. Беспалов выделяет три типа мышления психолога: практическое, эмпирическое и теоретическое. Поскольку, практическое может

формироваться только на фоне профессиональной деятельности, нам представляется, что в нашем случае, можно не учитывать данный тип мышления. В тоже время, эмпирическое и теоретическое типы мышления, на наш взгляд, связаны с мотивационными образованиями, и имеют большое значение в профессиональном развитии.

При решении профессиональных задач и в обыденной жизни каждый психолог может или должен одновременно или последовательно занимать позиции, или выполнять роль эмпирика или теоретика, которым соответствует разная степень выраженности соответствующих типов мышления [3]. Выбор того или иного типа мышления студентом психологом во многом зависит от доминирующего мотива.

Профессиональный блок – это профессионально-направленные мотивы, которые формируются в процессе обучения и достраиваются ближе к окончанию вуза. Данный блок представлен мотивами двух видов: мотивы *дальней* и *ближней* перспективы. Рассмотрим прежде мотивы дальней перспективы, поскольку, на наш взгляд, формирование этого мотивационного блока идет именно в этой последовательности. Сперва формируются мотивы дальней перспективы, направленные на достижение успехов в профессиональной деятельности, а мотивы ближней перспективы служат своего рода операциональным компонентом, позволяющим субъекту более точно выстроить свою деятельность. Можно утверждать, что мотивы дальней перспективы детерминируют конечные цели, а мотивы ближней перспективы направляют индивида к текущим целям.

Мотивы дальней перспективы выстраиваются при осмыслении субъектом своей будущей профессии как части жизненного плана личности, обозначая основной вектор деятельности. Именно эти мотивы детерминируют поступление молодого человека в вуз на определенный факультет. В дальнейшем, в процессе обучения, возникает необходимость разбить обобщенную деятельность, направленную к окончанию вуза, на ряд нижележащих, имеющих операциональный характер. Эти деятельности

детерминированы мотивами ближней перспективы и основаны на оценке ситуации, в которой оказывается студент в институте и роли своей личности в учебной деятельности. Выстроенные на основе такой рефлексии, мотивы ближней перспективы влияют, в свою очередь на силу мотивов познавательного и социально-мотивационного блока, и, опосредованно, через рефлексию учебной деятельности, на профессиональные мотивы дальней перспективы. Изменение мотивов дальней перспективы оказывает, в свою очередь, влияние на мотивы ближней перспективы перестраивает их, исходя из соотнесения оценки результатов деятельности с предполагаемым образом результата деятельности. Описанное взаимовлияние можно сравнить с разработанной П.К. Анохиным схемой функциональной системы. Что позволяет нам использовать понятие аффлекторное подкрепление для обозначения влияния профессиональных мотивов ближней перспективы на социально-коммуникативные и познавательные мотивы, а для описания вторичного влияния мотивов дальней перспективы на мотивы ближней перспективы, понятие афферентации.

А. Мотивы дальней перспективы. Это мотивы, связанные с построением профессионального плана как части жизненного плана личности и основанные на перспективной рефлексии «Я в будущем». Оценивая себя в профессиональном и личностном плане, студент предполагает свои возможности в профессиональном развитии, построении карьеры и т.д. Эти мотивы являются своеобразной точкой пересечения с мотивами коммуникативного блока. Именно в контакте с социальным окружением выстраивается гностический компонент самооценки и перспективная рефлексия, позволяющая строить и корректировать профессиональный план. К этим мотивам мы относим: *мотив самоактуализации в профессии* и *мотив достижения высокого уровня профессионально важных качеств личности.*

Мотив самоактуализации в профессии понимается нами как стремление субъекта реализовать себя в жизненном плане в качестве профессионала высокого уровня, и может быть рассмотрен как мотив личностного роста.

Р.Ахтямов [1] показал, что высокая степень самоактуализации обуславливает относительно быстрое нахождение призвания, то есть особого субъективного смысла в служении своему делу, осознание его соответствия своей индивидуальности. А это в свою очередь обуславливает высокий уровень профессиональной направленности, то есть мотивы этой направленности отвечают основному содержанию профессии, чёткого жизненного плана и адекватной оценки своих возможностей. В ходе проведенного со студентами первого курса факультета МГУ им. М.В. Ломоносова им были заданы следующие вопросы: Какие у тебя есть профессиональные цели? Где будешь работать? Чем конкретно будешь заниматься? Как эти цели будешь достигать? Какие качества профессионала будут важны для тебя? Опиши свою карьеру через 5, 10, 15, 20 лет. Ответы испытуемых были в основном общими и неопределёнными. Обычно отвечали, что хотят, во-первых, закончить университет, во-вторых, получить интересную и высокооплачиваемую работу. Некоторые хотели в будущем помогать людям, найти интересующую их научную тему и впоследствии заниматься ею. Многие испытуемые хотели работать на фирме, менеджером по персоналу, заниматься социальными исследованиями. Из этих ответов Р. Ахтямов делает вывод, что профессиональная направленность испытуемых основывается на мотивах материальной потребности, идейных мотивах и мотивах самоутверждения, уравновешенность которых обеспечивает гармоническую целостность личности.

Выводы Р. Ахтямова хорошо согласуются с нашими представлениями о наборе основных мотивов, детерминирующих получение профессии психолог. В описываемой нами структуре мотивации мы упоминали частично эти мотивы и продолжим описывать их в числе прочих.

Мотив достижения высокого уровня развития профессионально важных качеств (ПВК) личности можно рассматривать как сходный с мотивом самоактуализации в профессии, но в отличие от последнего, более детализованный, возможно формирующийся вторично. Соответственно,

регистрироваться он будет у субъектов, обладающих большим уровнем информации о профессии психолог и большей мотивированностью на овладение профессией.

Б. *Профессиональные мотивы ближней перспективы* мы описываем как направленные на обеспечение текущей профессионально-учебной деятельности. Именно эти мотивы обеспечивают процессуально-результативную мотивацию. В процессе обучения студента в вузе профессиональные мотивы ближней перспективы выполняют зачастую ведущую роль. Их можно отнести к профессиональному блоку постольку, поскольку они направлены на деятельность, ведущую к получению профессии. В целом же профессиональные мотивы ближней перспективы в большей степени относятся к учебной деятельности и детерминированы условиями обучения и осознанием субъектом своей роли и своих функций в этом процессе. На индивидуальном уровне эти мотивы могут быть представлены в динамичной системе соподчинения, при которой один из них занимает на определенной стадии обучения ведущее положение в данном блоке, в то время как остальные находятся на втором плане и играют роль своеобразного подкрепления.

К профессиональным мотивам ближней перспективы мы относим *мотив профессионального становления, мотив внутрипрофессионального самоопределения, мотив успешного окончания текущего курса*. Именно в такой последовательности эти мотивы могут у большей части субъектов играть ведущую роль в обеспечении профессионально-результативной мотивации профессионально-учебной деятельности.

Мотив профессионального становления в большей степени характерен, в качестве ведущего, для студентов первого курса. Этот мотив направлен на достижение успеха в овладении профессией психолог. Образ, лежащий в основе этого мотива, чаще всего не дифференцирован. Можно сказать, что студент представляет себе некий абстрактный образ психолога, наделенного

соответствующими личностными качествами, развитие которых становится целью субъекта в данном случае.

Мотив внутрипрофессионального самоопределения возникает ближе к третьему курсу, когда появляется необходимость определить дальнейшее направление специализации (например, осуществить выбор между отделениями социальной и клинической психологии). В дальнейшем этот мотив может организовывать деятельность студента практически до окончания института.

Мотив успешного окончания текущего курса в чистом виде больше характерен для мотивации избегания. Однако, при сдвиге мотива на цель может наблюдаться ситуация, в которой студент будет стремиться к получению как можно более высоких оценок, отодвигая мотивацию профессионального развития на второй план.

Социально-мотивационный блок представлен преимущественно социальными мотивами учения. Студент как личность выстраивает системы общения и взаимодействия с однокурсниками и с преподавателями. Ему не безразлична оценка окружающих, поскольку она непосредственно влияет на его самооценку, как в личностном, так и в профессиональном плане, а стало быть, и на его профессиональное становление. Здесь происходит пересечение личностных особенностей индивида с так называемым широким социальным контекстом. Эти мотивы связаны с потребностями студента в общении с другими людьми, в получении одобрения, с желанием студента занять определенное место в системе общественных отношений: *мотив аффилиации, мотив оказания помощи, мотив достижения общественного признания, мотив получения диплома о высшем образовании, мотив приобретения престижной профессии, мотив финансового благополучия, мотив оказания влияния на других людей, мотив власти, мотив общественной полезности.* Рассмотрим каждый из названных мотивов более подробно.

Мотив аффилиации, направленный на установление доверительных отношений, приносящих удовлетворение, может выступать достаточно

мощным стимулом к получению психологического образования. В большей степени он характерен для раннего этапа обучения, но у значительной части студентов может сохраняться в качестве основного до окончания обучения в вузе.

Мотив оказания помощи часто называется на первом курсе как основная причина, обеспечившая выбор факультета в вузе. Лежащий в основе выбора профессии этот мотив действует достаточно широко, связан с эмпатией и направлен на оказание помощи людям в целом.

Мотив достижения общественного признания лежит в основе честолюбия и характеризуется стремлением к почету, славе, известности. При нормальном уровне развития этого мотива он может обеспечивать оптимальную степень честолюбия. Однако, если этот мотив является центральным в мотивации достижения успехов в учебной деятельности, это сопровождается тщеславием, т.е. стремлением приобрести дешёвую или выдуманную славу.

Мотив получения диплома о высшем образовании, мотив приобретения престижной профессии, мотив финансового благополучия свойственны студентам с ярко-выраженной прагматической направленностью. Такая коннотация вскрывается в публикации исследований, проведенных в Самарском филиале СГА (2005) и в работе Н.Г. Багдасарьян, А.А. Немцова и Л.В. Кансузян [2]. По данным, следующим из обоих источников, таких студентов в вузе немного. Однако, эта немногочисленная категория (17,2% по оценке Н.Г. Багдасарьян, А.А. Немцова и Л.В. Кансузян), являет собой довольно неблагоприятный контингент студентов по результатам Самарского социологического исследования. Для них выбор вуза был связан с его высоким престижем, а основной мотив продолжения образования - получение диплома о высшем образовании и надежда в перспективе иметь хорошую зарплату. Это «студенты-взятодатели», которые демонстрируют среднюю успеваемость, и по самооценке у них невысокий интерес к учебе. Для них характерно

стремление получить высшее образование с применением любых средств, в том числе и взяток.

Н.Г. Багдасарьян, А.А. Немцова и Л.В. Кансузян (2003) определяют эту группу студентов, как демонстрирующих тенденцию к высокой социальной мобильности. Такие студенты, по мнению авторов, характеризуются относительной общительностью, склонностью к взаимодействию с людьми, широтой взглядов и относительно большим кругом знакомых. Они обладают богатым воображением, более склонны к теоретическим рассуждениям и экспериментированию, импульсивны, готовы к поиску нового и необычного. У них наиболее выражены такие качества, как логичность, объективность, трезвый расчет в отношениях с людьми, дипломатичность. Студенты, имеющие установку на высокий уровень социальной мобильности, наиболее активны, склонны к социальным достижениям, успеху, материальному благополучию и относительно непривлекательными для себя считают научную и преподавательскую деятельность.

Мотив оказания влияния на других людей традиционно рассматривается как проявление *мотива власти*. У Х. Хекхаузена (2003) можно встретить следующее определение этих мотивов. Мотив власти направлен на приобретение и сохранение ее источников, либо ради связанного с ними престижа и ощущения власти, либо ради влияния (оно может быть, как основной, так и дополнительной целью мотива власти) на поведение и переживания, других людей, которые, будучи предоставлены сами себе, не поступили бы желательным для субъекта образом. Влияние — это должно так изменить их поведение, чтобы оно способствовало удовлетворению потребности субъекта. Для достижения этого субъект должен с помощью имеющихся источников власти и средств воздействия перестроить привлекательность наиболее важных мотивов другого, причем сделать это возможно более эффективным и экономичным способом. Сама эта деятельность может соответствовать весьма разнообразным мотивам. Она может совершаться ради своего собственного или чужого блага или же ради

какой-либо высшей цели; она может принести другому вред либо оказать ему помощь. Индивидуальный мотив власти ограничен как в отношении приобретения власти, так и в отношении ее применения определенными содержательными областями, связанными с конкретными источниками власти и группами людей, подвергающимися воздействию. На нем также может лежать печать страха перед достижением власти, ее потерей, использованием, перед ответным применением власти или перед безуспешностью своего воздействия.

Мотив общественной полезности по данным исследования Н.Ю.Синягиной и Е.Г. Чирковской [9] выступает одним из ведущих мотивов педагогов, занимая второе место в мотивационном профиле. У студентов первого курса психологического факультета он также встречается довольно часто. Но в процессе обучения этот мотив часто отходит на второй план, уступая место операциональным мотивам ближней перспективы профессионального блока.

Все описанные выше группы мотивов (познавательный блок, профессиональный блок и социальные мотивы) находятся в определенной иерархической взаимосвязи. Естественно, на индивидуальном уровне иерархия будет меняться, однако в целом, структура останется без изменений. В частности, мотивы профессионального блока формируются как связанные с познавательными и социальными мотивами. В то же время можно утверждать, что связь эта носит не односторонний характер. Мотивы профессионального блока влияют и на познавательные, и на социальные мотивы. Мотивы познавательного и социального блока также соотносятся друг с другом.

Нам представляется, что связь между мотивационными блоками осуществляется через рефлексивный компонент, который стимулирует как осознание, так и подкрепление. Можно выделить два основных компонента профессиональной рефлексии студента-психолога: ситуационная и перспективная. Если ситуационная рефлексия соответствует оценке наличной

ситуации, то перспективная связана с абстрагированием, с оценкой себя в будущем. Рефлексия профессионального развития опирается на оценку своих возможностей и их потенциальную динамику, оценку ближней ситуации и оценку внешней перспективы. Внутри каждого из этих компонентов можно выделить конкретные пути, с помощью которых осуществляется самооценивание.

1. Самооценка: интеллектуальных способностей, биологических показателей (состояния здоровья), уровня формирования профессионально-важных качеств личности, уровня способностей к профессиональной и учебной деятельности;

2. Оценка ближней ситуации: отношение знакомых, преподавателей, однокурсников, оценка уровня успеваемости, построение образа себя как формирующегося профессионала на основе информации, полученной от преподавателей, знакомых, родителей, однокурсников, оценка теоретической и практической значимости информации, поступающей на лекции;

3. Оценка внешней перспективы: перспектив окончания вуза, оценка объективного состояния рынка труда, уровня связей в профессиональной среде, перспектив карьерного роста, перспектив материального благополучия;

Выстроенная на основе самооценки рефлексия может приводить либо к укреплению сложившейся системы соподчинения мотивов учебной деятельности, либо к изменению структуры, при котором как мотивационные блоки, так и отдельные мотивы внутри блоков могут менять свои позиции в иерархии.

Схема соотношения мотивов в мотивации достижения успехов в учебной деятельности может выглядеть так как показано на рисунке 1.

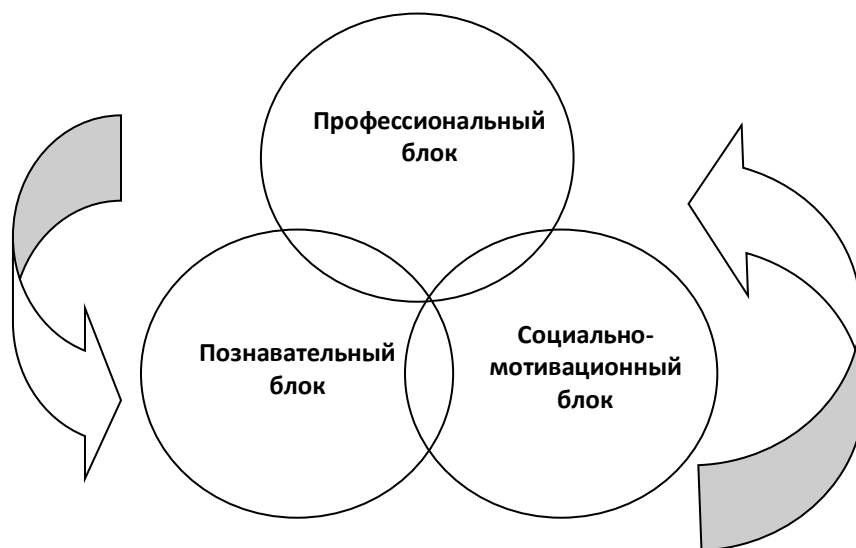

Рисунок 1. Соотношение мотивационных блоков в мотивации достижения успеха

Направленное воздействие на нижележащие познавательный и социальный блоки позволит оказывать влияние на динамику мотивов профессионализации.

Мы представили эти группы мотивов в таком порядке, признав роль ведущих мотивов за познавательными. Однако ведущая роль может варьировать как на индивидуальном, так и на групповом уровне, и, соответственно, соположение мотивов в иерархии также будет меняться.

На рисунке 2 показана схема взаимовлияния мотивов, которое, как нам представляется, имеет место в учебной деятельности студента-психолога.

Учебная деятельность стимулируется, как мы уже описали тремя блоками мотивов. В первичной мотивации участвуют познавательный блок, социальный блок и профессиональные мотивы дальнейшей перспективы. Учебная деятельность непосредственно взаимосвязана с социальной средой, поскольку организовывается согласно ее запросам и оказывает на нее влияние через взаимодействие студентов и подготовленных специалистов с другими членами общества.

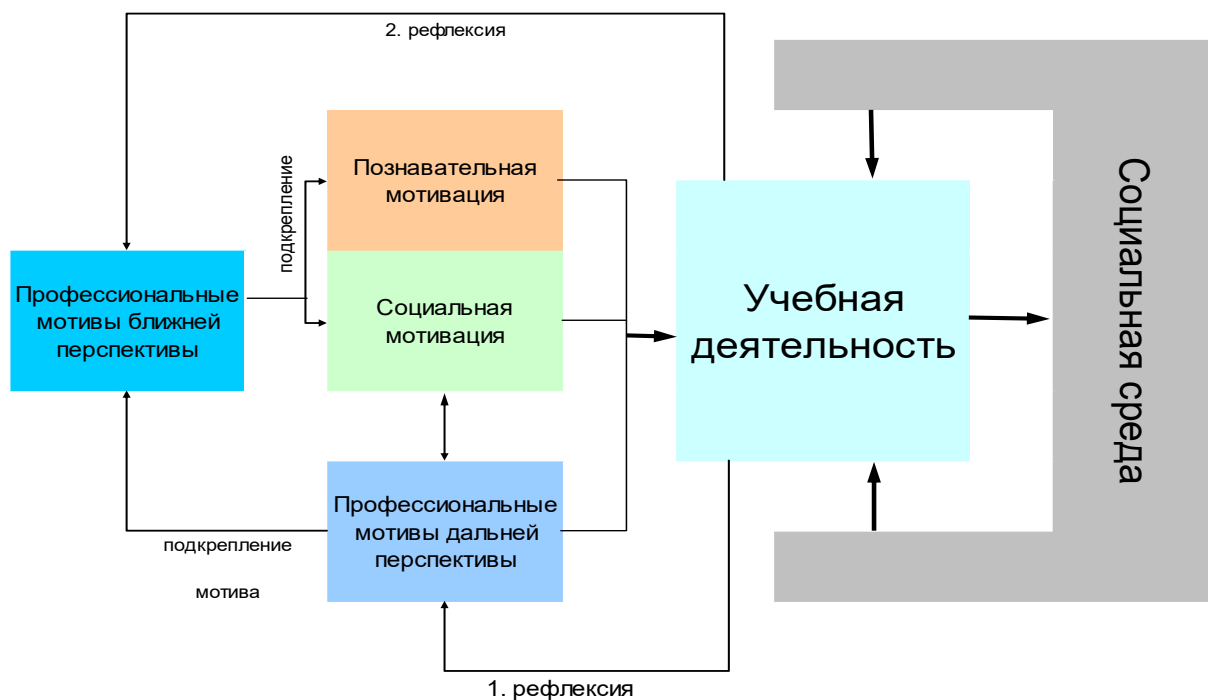

Рисунок 2. Взаимовлияние мотивов учебной деятельности

Учебная деятельность детерминирована познавательной мотивацией, социальной мотивацией и профессиональными мотивами дальней перспективы, такими, как мотив самоактуализации в профессии и мотив достижения высокого уровня профессионально важных качеств личности. Учебная деятельность находится в очевидной взаимосвязи с социальной средой, поскольку направлена в нее и получает из нее определенный отклик. Ожидания, связанные с удовлетворением первичных мотивов, в определенной степени подкрепляются социальной средой, что позволяет субъекту определить большую или меньшую временную удаленность их реализации. Рефлексия (1) ситуации осуществления учебной деятельности, направленной на реализацию социальной мотивации, познавательной мотивации и профессиональных мотивов дальней перспективы в социальной среде, выводит профессиональную мотивацию на уровень ведущей. Затем, выстраиваются профессиональные мотивы ближней перспективы, такие как мотив профессионального становления, мотив внутрипрофессионального самоопределения, мотив успешного окончания текущего курса, и блок

профессиональных мотивов ближней перспективы становится ведущим в детерминации учебной деятельности студента. Последующая рефлексия (2) связана с оценкой степени удовлетворенности профессиональных мотивов ближней перспективы, при этом профессиональные мотивы дальней перспективы отодвигаются на второй план и практически не фигурируют в детерминации учебной деятельности. Происходит своеобразный сдвиг мотивации, при котором мотивы операционального уровня принимают значение центральных мотивов, направленных на достижение цели деятельности. Степень удовлетворенности – неудовлетворенности профессиональных мотивов ближней перспективы, осознанная в ходе рефлексии (2), влияет на интенсивность мотивов социального и познавательного блока, что детерминирует содержание самой учебной деятельности.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что именно воздействие на рефлексию студента-психолога, как на основной связующий компонент его мотивационной структуры, позволит вносить в нее существенные изменения, особенно при учете возможных объективных и субъективных препятствий, возникающих как в широкой социальной среде, так и в психике субъекта. В качестве таких препятствий необходимо учесть кризисы профессионального развития, возникающие на определенных этапах овладения профессией, которым в последнее время уделяется все большее внимание в специальной литературе.

Список литературы

1. Ахтямов Р. Профессиональное самоопределение и самоактуализация студентов-психологов. VIII Международная конференция студентов и аспирантов по фундаментальным наукам "Ломоносов - 2001" (секция «Психология») // МГУ им. М.В. Ломоносова. 2001.
2. Багдасарьян Н.Г., Немцов А.А., Кансузьян Л.В. Послевузовские ожидания студенческой молодежи / ФЦП "Интеграция" Э0306 "Антропологическое измерение научно-технического образования: ценностные ориентации и социальные ожидания". 2003.

-
-
3. Беспалов Б. И. Типы и стили психологического мышления в связи с критериями научности психологических теорий // <http://flogiston.ru/articles/general/bespalov>, 2005
 4. Дусавицкий А.А. Формирование мотивации у школьников 13-15 лет. - М: «Педагогика», 1982.
 5. Захарова А.В. Структурно-динамическая модель самооценки // Вопросы психологии. 1989. №1.
 6. Кон И.С. Психология ранней юности. - М., Просвещение, 1989
 7. Левин К. Намерение, воля и потребности. М., 1970.
 8. Петруnek В.П., Таран Л.Н. Нелегкий шаг к юности. - М.: Педагогика, 1984.
 9. Синягина Н.Ю., Чирковская Е.Г. Мотивационный профиль личности руководителя образовательного учреждения с инновационной направленностью // Тезисы III научно-практической конференции «Одаренные дети: проблемы полноценного развития». 2000.
 10. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е издание. - М., СПб, Н. Новгород, Воронеж, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Самара, Киев, Харьков, Минск, 2003.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interests.

РАЗМЫШЛЕНИЕ УЧЕНОГО

Журнал «Вопросы девиантологии» статьей Я.И. Гилинского открывает новую рубрику «**Размышление ученого**», в которой будут публиковаться статьи известных российских и зарубежных ученых.

Ниже публикуем⁵ статью fundатора и патриарха советско-российской девиантологии, члена Международной Ассоциации девиантологов, академика Международной академии образования, доктора юридических наук, профессора Я.И. Гилинского. Считаем, что проблема, поднятая ученым, спустя годы, не утратила своей остроты и актуальности и в сегодняшние дни.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Я. И. Гилинский

(Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. В предлагаемой статье критически оценивается возможность создания справедливого общества без насилия и взаимоуничтожения.

Ключевые слова: человечество, насилие, взаимоуничтожение, омницид.

Предисловие

Сразу оговорюсь: я люблю Жизнь, Творчество, Искусство, Путешествия И, конечно, свою Наташу. Да и морепродукты, и коньяк... Я знаю немало умных, порядочных, доброжелательных людей. У меня хорошие дети-внуки. Но все это не мешает мне думать о Человечестве. И чем дальше (чем ближе к

⁵ Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое // UK Academy of Education: scientific magazine. 2019. №1(27). С. 4-15.

Концу), тем с большим отвращением... Об этом – многие мои публикации.⁶ Предлагаемые рассуждения – лишь очередная попытка более или менее прояснить, - прежде всего, для себя, - *что же это за напасть такая на Земле, готовая уничтожить все живое на ней?!*

Между историей и социологией

Представителям животного мира Земли присуща *агрессия*, как средство выживания, «борьбы за существование». Агрессия животных *инструментальна*: за самосохранение, за пищу, борьба за самку, защита детенышей и т.п. Первобытный человек сохраняет эту агрессивность, но уже начинается отход от чистой инструментальности. Иначе почему археологи обнаруживают массовые останки людей с черепами, расколотыми первобытными орудиями?⁷ Обороняться от хищных зверей – да, бороться за самку (простите, женщину) – да, опасаться представителей соседних племен – да. Но зачем же их убивать «просто так, для интереса»? Вот так начался переход от *агрессии* животных к человеческому *насилию*.

Если *агрессия* – средство «борьбы за существование», выживание то социальное *насилие*, присущее только человеку, - есть средство «сверхборьбы» за «сверхсуществование» (лучшее, комфортное, богатое, привилегированное существование).

От первобытного человека к рабовладению, далее к феодализму и капитализму, «социализму» - путь возрастания *возможностей и средств* социального насилия: от первобытного топора к стрелам – мушкетам – пистолетам – танкам и самолетам – атомному оружию... Наконец-то человечество от сотен – тысяч – миллионов жертв войны готово перейти к тотальному самоуничтожению (омнициду)...⁸

⁶ Только из последних: Гишинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. – СПб: Алетейя, 2017; Он же. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетейя, 2017; Он же. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. Сборник статей. – СПб: Алетейя, 2017 (особенно: Онтологический трагизм бытия..., 1995; Капитализм или социализм? Оба хуже, 2016; Что день грядущий нам готовит? 2016).

⁷ См. подробнее: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974; Он же. Контрсуггестия и история. В: История и психология / ред. Б.Ф. Поршнев, Л.П. Анцыферова. – М.: Наука, 1971. С. 7-35.

⁸ «Омницид – поголовное истребление всего живого. Человек, устроивший омницид, Апокалиптический маньяк – персонаж, страстно желающий устроить конец света. Он хочет убить их всех, и, что важно, может убить их всех» // <http://ru.zlodei.wikia.com/wiki/>

Очень важно понять истоки, механизм социального насилия. Очевидно, человек, получивший в процессе исторического становления и развития возможность *улучшать* свое земное существование – «вкуснее» и разнообразнее питаться; теплее и «красивее» одеваться; жить все в лучшем, все более удобном жилище; владеть все большим количеством рабов/слуг/подчиненных и т.п. – будет все активнее, все яростнее, все «насильственнее» сражаться за сохранение добытых благ и приобретение благ все новых и новых. Позднее это будет осмысленно как «денег много небывает»... Но и этого мало: «у соседа сдохла кобыла, казалось бы, какое мое дело? А все-таки приятно»... «Быть как все», «быть лучше, чем они» - не только сегодняшние «лозунги», а передающиеся из поколения в поколение.

«Зарождение дифференцированного потребления вообще датируется более ранним временем, чем появление чего-либо, что можно было бы безусловно назвать денежной силой. Такое потребление восходит к начальной фазе хищнической культуры...».⁹

Подробнее о капитализме / социализме

Формирование капиталистических общественных отношений явилось безусловным шагом вперед по сравнению с рабовладением / феодализмом. Но что значит «вперед»? Где критерий позитивного развития? И здесь, как во всем, возможны различные точки зрения. Я исхожу из того, что *высшими ценностями человека являются его Жизнь и Свобода*. В том числе, продолжительность жизни и здоровье человека и все большая свобода от природных и социальных ограничений.

По сравнению с предыдущими формациями (кто не согласен с вышеприведенной классификацией – предложите любую другую) *капитализм* является прогрессом и в части лучшего обеспечения здоровья и продолжительности жизни, и в плане повышения степени свободы.

⁹ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – С. 108.

Очень интересно произошло с *социализмом*. Теоретически – это дальнейший шаг вперед – ко все большей свободе. «Весь мир насилия мы разрушим... Кто был никем, тот станет всем». Практически, на примере «социалистических» стран, включая СССР, - шаг назад (или в сторону). Да, был вполне продвинутый «шведский социализм», но и он продолжался недолго. И вот здесь-то может и «зарыта собака» в деле понимания природы человека. Ведь социализм предполагает всеобщее равенство (ура, свобода!), всеобщий труд во благо всех. А вот трудиться не исключительно для себя, а для всех – зачем усердствовать? И «социализм» стал резко уступать «капитализму» в развитии производства, технологий. Да, в саморазвенчании социализма в значительной степени виновато то, *где* он стал реализовываться. Отсталая во всех отношениях Россия была не лучшим полигоном апробирования новой формации... Но *нигде и никогда* действительно очень соблазнительные принципы социализма не будут реализованы. Нигде и никогда люди *en masse* не будут самозабвенно трудиться на *общее* благо... Да, есть альтруизм, самопожертвование у людей (и у животных!), но это отдельные проявления, не меняющие общей картины эгоизма и конкуренции.

Ну, а как развивался и развивается капитализм?

Становление капиталистических общественных отношений, капиталистической свободной экономики, основанной на принципе *laissez faire*, явилось мощным стимулом развития промышленности, экономики, технологий. Промышленные революции следовали одна за другой, венцом коих явилась нынешняя Четвертая. Но, как все на свете (не забывайте принцип Инь-Ян!), бурное позитивное развитие влекло негативные последствия, которые со временем все больше омрачали радость прогресса. И если во времена К. Маркса, Ф. Энгельса это были противоречия между трудом и капиталом, между рабочими и капиталистами, то к обществу постмодерна (с 1960-1980-х годов) классовые различия и классовые противоречия *step by step* сменились расколом человечества и населения каждой страны на *включенных* (*included*) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и

фактически *исключенных* (*excluded*) из экономической, политической, культурной жизни. Я много писал и публиковал об этом¹⁰, поэтому повторюсь кратко.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность / исключенность» (*inclusive / exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими.¹¹

Работа Рене Ленуара показала, что «исключение» приобретает характер *не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества*, затрагивая все большее количество людей.¹² Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности».¹³

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Они являются неизбежным побочным продуктом

¹⁰ См.: Гилинский Я. «Исключённость» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб Юридического ин-ста Ген. Прокуратуры РФ. 2004. №6. С.69-77.

¹¹ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Социология и социальная антропология. Т. II. Спец. выпуск: Современная французская социология. 1999. С.140-156.

¹² Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. - Paris: Seuil, 1974.

¹³ Погам С. Указ. соч. С.147.

экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов».¹⁴

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли.¹⁵ В другой работе он приходит к убеждению, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис*.¹⁶

О катастрофических последствиях страшного экономического неравенства пишет Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц.¹⁷ Все основательнее вырисовываются *два лица* свободной экономики, свободных рыночных отношений.¹⁸

С одной стороны – безусловный экономический рост; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран Европы и Северной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии; фантастическое развитие техники и новейших технологий.

С другой стороны – растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности, как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой», «подпольной») экономики; растущее недовольство большинства населения господствующим в политике и экономике меньшинством и др.

Особенно задуматься над «Новым миром» заставляют труды С. Жижека.¹⁹ В «Размышлениях в красном цвете» (намек на коммунистическую

¹⁴ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. - Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5-7.

¹⁵ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. - М., 2003.

¹⁶ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World system // International Sociology. 2000, Vol.15, N3.

¹⁷ Стиглиц Дж. Цена неравенства. – М.: Эксмо, 2015.

¹⁸ Гишинский Я.И. Два лица экономической свободы // Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012. С.58-75.

¹⁹ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М., 2008; Он же. О насилии. – М., 2010; Он же. Размышления в красном цвете. – М., 2011.

доктрину), он демонстрирует фактически завершённый раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» - замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы» (с.6) и – большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет "кровеносную систему" здорового ребенка» (с.19). Поэтому (и не только) - «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет» (с.21).

В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли» (с.8).

Можно, конечно, отмахнуться от трудов С. Жижека и иже с ним, но как пренебречь современными реалиями: растущим и принимающим катастрофические масштабы социально-экономическим неравенством, миллионами «исключенных», и соответствующей реакцией, начиная от «цветных революций» и «арабской весны» до массового летне-осеннего движения 2011 г. - *Occupy Wall Street* («Захватить Уолл-Стрит» - движение поддерживают от 40% до 60% американцев!), перекинувшегося на Великобританию, Италию, Испанию и ряд других европейских государств, а также Японию, Корею, Австралию. В развитом капиталистическом обществе все большему числу людей угрожает маргинализация на рынке труда, полное исключение возможностей найти работу и общественная изоляция.²⁰ Происходит размывание *middle class* – основы и опоры капитализма... В результате мы имеем сверхразбогатевший олигархат, размываемый *middle*

²⁰ Althoff M., Cremer-Schäfer H., Löscher G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschließung: Kriminalpolitik und Kriminalität in Zeiten gesellschaftlicher Transformation. – Baden-Baden, 2001. S. 29.

class, и огромные массы «исключенных», влачащих жалкое существование. Докапитализировались...

О проблемах дилеммы либертарианство/этатизм размышляют российские экономисты.²¹

А в России? По различным данным, сегодня в России не менее 60-80% населения – «исключенные». А недавно в СМИ появилась их новая (по-моему, не удачная) характеристика – «гетто». У находящихся в нем людей отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжелой жизненной ситуации.²² Безнадежность – имя им... Напомню, если в 2016 г. в мире 1% населения владел 52% всех богатств, то в том же году 1% населения России владел 72,4% всех богатств – первое место в мире по экономическому неравенству (на втором месте – Индия)!

Одна из важнейших, глобальных, неразрешимых проблем – «невозможность для мировой хозяйственной системы справиться с проблемой справедливого распределения достигнутого благосостояния».²³

Не удивительно, что именно исключенные составляют основную социальную базу преступности, наркотизма, пьянства, проституции, суицида. Либеральная, неолиберальная идеология (и практика, реальность!) оказывается столь же утопической, сколь утопическими были многочисленные разновидности социалистической (коммунистической) идеологии.

Иначе и быть не может: утопий было немало. Но что-то ни одна из них не реализовалась. И реализоваться *в принципе* не могла – род человеческий не допустит свободы, равенства и братства! Или, как пишет А.И. Пригожин, «Справедливость на Земле невозможна. Хотя бы потому, что она очень

²¹ Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012; Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. - СПб: Леонтьевский центр, 2015.

²² Независимая Газета, 06.04.2011.

²³ Луман Н. Дифференциация. – М.: Логос, 2006. С.234.

партийна. То, что справедливо для одних, ужасающе несправедливо для других».²⁴

Что дальше?

Сегодня более-менее объективный прогноз принципиально невозможен. Наша эпоха постмодерна характеризуется, помимо прочего, неопределенностью.²⁵ «Постмодернизм - это признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, это проблематизация социальной реальности, которая интерсубъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются, это относительность знаний о любом социальном явлении и процессе...».²⁶ Неопределенность, вообще присущая социальному миру, в эпоху постмодерна является следствием нашего нахождения в растянувшейся «точке» бифуркации, когда направление дальнейшего развития принципиально непредсказуемо. Любой прогноз от «всеобщего счастья» до апокалипсиса, омницида (или сингулярности²⁷) равно относителен и неопределенен.

Очевидно возможны два варианта для человечества. *Первый*, менее вероятный – человечество выживет, пройдя тяжелейший в истории период постмодерна. Причем выживет, возможно, достигнув невиданных успехов в своем генетически-технологическом развитии. *Второй*, более вероятный, учитывая тяжелое прошлое – человечество погибнет в результате омницида – ядерного, или экологического, или космологического, или... «Ядерный пепел» становится все большей реальностью. Тем более, что и «правые», и «левые» жаждут насильем изменить мир, построить его «по-своему», т.е. очередное «светлое будущее»... Начавшаяся гонка вооружения – теперь опасного для всего человечества – усиливает вероятность пессимистического прогноза.

²⁴ Пригожин А.И. Законность – базовая ценность социального либерализма // Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. - СПб, 2015. С. 108.

²⁵ Подробнее об обществе постмодерна см.: Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетейя, 2017.

²⁶ Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, №4 (10). С. 47-48.

²⁷ Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – NY: PG, 2005; Rees M.J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty first Century? – NY: Basic Books, 2002.

Остается только удивляться: как Homo якобы Sapiens, достигнув немислимых экономических, технологических, научных высот, постоянно стремится к самоуничтожению. Как люди, испытавшие лично или через предков все ужасы войны, вновь и вновь охвачены военным психозом, видят кругом врагов, которые не подозревают, что они - «враги», но в свою очередь вынуждены крепить оборону от вооружающихся соседей.

Если человечество жаждет все новых и новых войн до «полной победы», если обезумевшие вожди стремятся к «победам», а презируемые властью и «народом» пацифисты, вроде меня, не в состоянии сплотиться и вышвырнуть таких вождей и их прихвостней на свалку, то мне не жалко самоуничтожающееся человечество. Мне безумно жаль невинных животных, которые будут уничтожены в ядерном безумии людей...

Список литературы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. - М., 2003.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.
3. Гишинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. №6.
4. Гишинский Я.И. Два лица экономической свободы. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012.
5. Гишинский Я. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. Сборник статей. – СПб: Алетейя, 2017.
6. Гишинский Я. Социальное насилие. 2-е изд. – СПб: Алетейя, 2017.
7. Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб: Алетейя, 2017.
8. Жижек С. Размышления в красном цвете. - М., 2011.
9. Жижек С. О насилии. - М., 2010.
10. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. - М., 2008.
11. Луман Н. Дифференциация. – М.: Логос, 2006.
12. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999.
13. Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история. В: История и психология / ред. Б.Ф. Поршнева, Л.П. Анцыферова. – М.: Наука, 1971.

-
-
14. Поршнеv Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974.
 15. Пригожин А.И. Законность – базовая ценность социального либерализма. В: Социальный либерализм: между свободой и этатизмом.
 16. Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. – СПб: Леонтьевский центр, 2015.
 17. Стиглиц Дж. Цена неравенства. – М.: Эксмо, 2015.
 18. Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, №4 (10).
 19. Экономическая свобода и государство: друзья или враги. – СПб: Леонтьевский центр, 2012.
 20. Althoff M., Cremer-Schäfer H., Löschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalität in Zeiten gesellschaftlicher Transformation. – Baden-Baden, 2001.
 21. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. - Cambridge: Polity Press, 2004.
 22. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – NY: PG, 2005.
 23. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. - Paris: Seuil, 1974.
 24. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister. – Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeltner, 1868.
 25. Rees M.J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty first Century? – NY: Basic Books, 2003.
 26. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the World system // International Sociology. 2000, Vol.15, N3.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflict of interests.**

***Клейберг Ю.А.** Креативная девиантология: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 198 с.*

***Клейберг Ю.А.** Девиантология геноцида. Курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. – 2-е изд., доп. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 150 с.*

***Клейберг Ю.А.** Ювенология (Психология социальной активности молодежи). Монография. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2023. – 214 с.*

***Клейберг Ю.А.** Основы международного права: Курс лекций с кейсами и практикумом для вузов. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 256 с.*

***Козлов В.В.** Современная личность: самоактуализация и самореализация. Монография. – М.: ИП Петросян, 2023. – 336 с.*

***Козлов В.В.** Влияние медитативных практик на социально-психологические свойства личности. Монография. – М.: ИП Петросян, 2023. – 328 с.*

***Клейберг Ю.А.** Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 3. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 281 с.*

***Клейберг Ю.А.** Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 2. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2023. – 277 с.*

***Клейберг Ю.А.** Психология девиантного поведения. Избранные труды: монография. – В 3-х т. – Т. 1. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2022. – 602 с.*

***Козлов В.В.** Психология сознания: интегративный подход. Монография. – М.: Психотерапия, 2022. – 274 с.*

Козлов В.В., Бубеев Ю.А. Психология и феноменология посттравматического стрессового расстройства. Монография. – М., 2022. – 248с.

Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2022. 446 с.

Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие. – 13-изд., перераб. и доп. – Краснодар: Изд-во ИП Дедков, 2022. – 618 с.

Клейберг Ю.А. Основы коррупции: Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. Ю.А. Клейберга / Э.Н. Рахимбаев и др. – Алматы: Изд-во «Лантар books», 2022. – 193 с.

Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида. Курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. – М.: Изд-во ИП Петросян, 2022. – 154 с.

Клейберг Ю.А. Основы добровольческой деятельности. Монография. – Армавир: Армавирский лингвистический социальный институт, 2022. – 164 с.

Тесленко А.Н., Рыжков М.И. Юногогика. Педагогическое обеспечение работы с молодежью. Учебник для вузов. 2-е изд., доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2022. – 334 с.

Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). – СПб: Алетейя, 2021. – 136 с.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. – 4-е изд. — СПб, 2021.

Козлов В.В. Психология пандемии. Монография. – 2-е изд., расшир. и доп. – Ярославль: ИАПН, РПФ «Титул», 2021. – 114 с.

Козлов В.В. Вечная психология. Монография. – М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2021. – 328 с.

Клейберг Ю.А. Психология просоциального поведения: курс лекций с кейсами и практикумом. – Тверь: Академия Национального образования и науки; Тверской государственный университет, 2021. – 156 с.

Клейберг Ю.А., Рахимбаев Е.Н. Юридическая ювенология: учебник / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Алматы: «Алтын Баспа», 2021. – 455 с.

Клейберг Ю.А. [и др.]. Пропедевтика ювенальной криминологии: учебное пособие для вузов с кейсами / Под ред. профессора Ю. А. Клейберга. – Алматы: Изд-во «Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева»; Академия Национального образования и науки, 2021. – 153 с.

Клейберг Ю.А., Сакиева Ф.Н. Психология социально-правовой деятельности: курс лекций с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Армавир: Изд-во АЛСИ, 2021. 322 с.

Клейберг Ю.А. Социальная психология добровольческой деятельности: дайджест курса с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей. – Махачкала: «АЛЕФ», 2021. – 96 с.

Клейберг Ю.А. Политическая девиантология: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю.А.Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании; Академия Национального образования и науки, 2021. – 160 с. (CD).

Методология современной психологии. Вып. 13 / Сб. под ред. В.В.Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. – М.-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021. 430 с.

Современная девиантология: методология, теория, практика. Коллективная монография. – 2-е изд. / Под ред. Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Изд-во Академии образования Великобритании, 2021. – 310 с. (CD).

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». – СПб, 2021. – 298 с.

Клейберг Ю.А. Словарь девиантолога: учебное пособие. – 3-е изд., доп. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. – 171 с.

Клейберг Ю.А., Тацёва А.И., Гриднева С.В., Арпентьева М.Р. Современная девиантология и девиантотерапия. Монография / Под ред. Ю.А.Клейберга и М.Р. Арпентьевой. – Канада, Торонто, Великобритания, Лондон: Издательско-литературное агентство «Альфасфера», Международная

Ассоциация девиантологов, Академия Национального образования и науки, 2021. – 169 с.

Арпентьева М.Р., Гилинский Я.И., Клейберг Ю.А., Козлов В.В., Храпцова Ф.И. Девиантологический нарратив XXI века: Социальное поведение. Риски. Безопасность личности и общества. Коллективная монография; Материалы II-го Международного Конгресса девиантологов. 19-20 декабря 2020 г. / Под ред. профессора Ю.А. Клейберга. – Лондон-Тверь: Академия образования Великобритании, 2021. – 104 с.

Гилинский Я.И. Человеческое, слишком человеческое. – СПб: Алетейя, 2020.

Тесленко А.Н. Социология популярной музыки: молодежный аспект. Монография. – Нур-Султан: Изд-во «Центр-Элит», 2020. – 220 с.

Тесленко А.Н. Ювенальная суицидология: теория, практика, профилактика. Монография. – Нур-Султан: Изд-во «Центр-Элит». 2020. 250 с.

ОТЗЫВ

на рукопись учебного пособия с кейсами и практикумом для студентов вузов и колледжей Ю.А. Клейберга «Девиантология геноцида»

Автор данного учебного пособия – известный ученый и педагог Российской Федерации, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования и науки, д.психол.н. и д.пед.н., академик РАЕН Ю.А. Клейберг – впервые поднимает актуальную научную и учебно-методическую проблему – обоснование взаимосвязи девиантологической науки и геноцида – тягчайшем преступлении против человечества.

Многолетние научные изыскания профессора Ю.А. Клейберга в области девиантологии, издание многочисленных монографических и учебно-методических трудов в этой области позволили автору не только поставить, но и решить сложную научно-познавательную проблему. Рукопись содержит ценный научный и учебный материал по изложению обусловленности девиантного поведения личности, общими закономерностями развития общества. Автор, безусловно, прав, отмечая, что геноцид – это циничное пренебрежение права человека на жизнь, которая влечет за собой значительную убыль населения (с. 13). В то же время, пренебрежение права человека на жизнь, без достаточных правовых оснований, узаконенных государством, есть отклонение от общей нормы. Причинами отклонений, девиации в данном случае, могут быть анатомические и психофизиологические аномалии поведения человека.

Ясно и доходчиво, на высоком профессиональном уровне Ю.А.Клейберг ставит и решает актуальные девиантологические аспекты геноцида. Отмечает, что геноцид – это самая тяжкая форма дискриминации и преднамеренное преступление против человечества. При этом автор акцентирует внимание на категории «преднамеренное преступление» (с. 16). Преднамеренное преступление по отношению к группе людей по каким-либо признакам: цвету кожи, убеждениям, политическим взглядам, языку или культуре, которое заканчивается геноцидом, следует классифицировать как девиантность коллективных действий. Считаем, что совершаемые группой лиц преднамеренные (т.е. заранее продуманные, умышленные) преступления, к которым относится геноцид, являются следствием девиантного поведения лиц, совершаемых данное преступление.

Для раскрытия заявленной темы, автор приводит значительный объем учебно-фактологического материала, основанного на решениях генеральной ассамблеи ООН и Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказаний за него. Принятая конвенция однозначно трактует, что наказуем не только геноцид и соучастие в нем, но и заговор с целью совершения данного преступления, а также прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушение на его совершение (с. 18).

Геноцид, справедливо утверждает Ю.А. Клейберг, в полной мере проводится сегодня на территории Украины, по отношению к русскому населению. Такая постановка проблемы напоминает слова Президента Российской Федерации В.В. Путина, содержащиеся в послании Федеральному Собранию и адресованные не только россиянам, но и всему мировому сообществу. Характеризуя ситуацию в современной Украине, он отметил, что недавно одной из бригад вооруженных сил Украины присвоили наименование «Эдельвейс», как гитлеровской дивизии, которая участвовала в депортации евреев, казнях военнопленных, в карательных операциях против партизан Югославии, Италии, Чехословакии, Греции, добавим и на Северном Кавказе, (Российская газета, 22 февраля, 2023, № 39. С. 2). Такое поведение украинских неонацистов несколько не отличается от геноцида против еврейского населения, действий эсэсовских частей «Галичина», «Мертвая голова», совершивших десятки тысяч преступлений против мирного населения.

В учебном пособии автор не просто констатирует факты геноцида, а устанавливает причинно-следственные связи нечеловеческих деяний, детально освещает проблемы геноцида с точки зрения девиантного, отклоняющегося, поведения. Понятно, что профессор Ю.А. Клейберг не ставил цель осветить проблему в полном объеме с указанием этносов, которых коснулась эта тяжкая форма дискриминации. Но приводимый лекционный материал с кейсами и практикумом достаточно полно раскрывает взаимосвязь девиантологии с феноменом геноцида.

Содержание работы позволяет высоко оценить концепцию автора, который нашёл свой подход к проблеме – «свёл» геноцид и девиантологию воедино и аргументировано показал, что геноцид является одним из самых жестоких, девиантогенных и криминогенных проявлений рода *Homo sapiens*. Автор не только обогатил науку методологическими и фактологическими выкладками, но и разработал теоретические аспекты новых понятий: «криминология геноцида» и «геноцидальное поведение» как девиантологические явления индивидуально-общественной жизни, которые можно и нужно использовать для внедрения в учебный процесс.

Следует заметить, что данное учебное издание базируется на научных достижениях автора по девиантологии и изданных монографиях, в которых содержатся основные подходы к проблеме геноцида. Материал курса лекций напоминает о неопровержимых фактах, которые имели место быть в разные периоды истории человечества. Заметим, что результаты Нюрнбергского процесса 1946 года одобрены всеми странами мирового сообщества, их никто не оспаривает.

Главным достоинством текста учебного материала является то, что Ю.А.Клейберг предлагает читателю, студенту, преподавателю задуматься над каждой темой, выносимой на обсуждение, сформировать свой взгляд, отношение к каждому вопросу или скорректировать уже сложившуюся позицию.

Рецензируемое учебное издание Ю.А. Клейберга «Девиантология геноцида», – чрезвычайно актуально и востребовано, так как способствует возрождению патриотических, нравственных, духовных качеств юной личности, которые являются основой гражданской позиции, возводятся в ранг государственных. Это еще раз говорит о важности и своевременности данного труда.

Пособие хорошо структурировано и логично, написано четким и понятным языком, содержит в общей сложности 19 ключевых тем с кейсами, вопросами для самоконтроля, практикумом и списком рекомендуемой литературы к каждой теме.

Ориентировано на студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Психология», «Юриспруденция», «Социология», «Социальная работа», «Педагог-психолог», а также для слушателей системы повышения квалификации, переподготовки и постдипломного образования.

Научный руководитель кафедры КБГУ

Заслуженный деятель науки КБР,

д-р филос. н., профессор

Б.Б. ХУБИЕВ

Профессор кафедры истории России КБГУ,

д-р ист. н., профессор

П.Я. КУЗЬМИНОВ

Профессор кафедры этнологии,

истории народов КБР и журналистики КБГУ,

д-р ист. н., профессор

Х-М.А. САБАНЧИЕВ

ПРИГЛАШЕНИЕ ВСТУПИТЬ В ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕВИАНТОЛОГОВ

ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ В ЧЛЕНЫ

Для вступления в Международную Ассоциацию девиантологов необходимо направить по электронной почте (yury.kleyberg@yandex.ru) следующие отсканированные документы:

1. Заявление в произвольной форме на имя президента Ассоциации профессора Клейберга Ю.А., с просьбой о принятии в члены Ассоциации.

К заявлению должны прилагаться сканированные документы:

1. Анкета с фотографией.
2. Диплом о высшем образовании.
3. Диплом кандидата наук
4. Диплом доктора наук*
5. Аттестат доцента*
6. Аттестат профессора*
7. Документ о почетном звании*
8. Документ(ы) о принадлежности к другим академическим (научным) сообществам (по желанию.)

9. Список научных трудов (за последние 3 года, **с указанием в конце списка в примечании общего количество трудов.** Списка заверяется подписью автора).

1. Скан паспорта (1 и 2 страница).
2. Фотография для размещения на веб-сайте Ассоциации (в электронном виде).

12. Другие документы по желанию (дипломы, награды и т.д.).

Примечание:

Документы, предусмотренные п.п. 3-7, предоставляются соискателем при наличии соответствующих ученой степени или звания.

Вступительный членский взнос (разовый) - 5 000 руб. Ежегодный членский взнос - 1000 руб.

Оплата взносов осуществляется после принятия решения комиссией Ассоциации о предоставлении соискателем полного пакета документов и их соответствии установленным требованиям. В адрес соискателя высылается квитанция с реквизитами по уплате членского (организационного) взноса.

Решение о приеме в члены Ассоциации осуществляется после уплаты соискателем членского взноса.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Тверской области **07 октября 2020** года была зарегистрирована автономная некоммерческая организация развития образования и науки «**Академия Национального образования и науки**» (АНОН). **Основатель и президент Академии** – лауреат Государственной премии Правительства РФ в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор **Клейберг Юрий Александрович**.

Целью деятельности Академии является предоставление услуг в сфере развития образования и науки, направленной на сохранение, укрепление и развитие единства образовательного и научного пространства России:

а) изучение и анализ мировых достижений в области наук об образовании с целью их использования в национальных интересах Российской Федерации;

б) обобщение и распространение в Российской Федерации и за рубежом прогрессивного национального опыта развития образования и достижений в сфере наук об образовании;

в) участие в разработке, апробации и экспертизе новых образовательных технологий, средств и форм организации обучения и воспитания детей, и молодежи;

г) участие в разработке и реализации государственной образовательной политики, стратегических направлений, целей и программ развития национального образования, взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления в разработке и реализации образовательной политики;

д) взаимодействие с Российской академией наук, Российской академией образования, Международной академией образования, другими государственными и общественными академиями наук, научными сообществами, творческими союзами, российскими и зарубежными организациями, участвующими в образовательном процессе и проведении научных исследований;

е) осуществление повышения квалификации, постдипломного образования по программам магистратуры, аспирантуры и докторантуры с последующей защитой диссертаций.

Приглашаю всех желающих и неравнодушных ученых и практиков к активному сотрудничеству.

**Ю. А. Клейберг,
президент Академии Национального образования и науки,
профессор**

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТРЕБОВАНИЯ ВЫСШЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ (ВМАК) К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Требования ВМАК к подготовке научных статей для публикации в журналах полностью согласуется с требованиями ВАК Российской Федерации.

Структура научной статьи зависит от особенностей исследований и ее тематики. Для размещения труда в один из ВМАК-журналов, следует придерживаться следующей схемы:

УДК (система кодировки, позволяющая легко найти публикацию в любой базе, библиотеке)

Цветное ФОТО 4x6 см (не официальное)

ЗАГОЛОВОК (заглавными буквами)

Аннотация к работе

Ключевые слова

Основной текст (состоит из вводной части, данных о проводимых исследованиях, выводов)

Список литературы (на русском и английском яз.)

Графический материал (при необходимости)

Сведения об авторе

Согласно требованию п.13 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», вступившим в силу в начале 2014 года, минимальное количество научных публикаций по теме диссертационного исследования зависит от его направления (шифра по паспорту специальностей).

С 01.02.2021 г. произошли изменения в требованиях по количеству ВАК-статей для защиты докторских диссертаций:

➤ для защиты научно-исследовательских работ по химическим, физико-математическим, биологическим наукам – 5 статей;

➤ для докторских диссертаций по аграрным, медицинским, техническим наукам – 3 статьи;

Заголовок (заглавие). В этой части указывается полное ФИО автора(ов), название вуза/научного учреждения, где готовилась работа.

Аннотация

Основные структурные элементы аннотации – это:

- предмет исследования, тема, цель статьи;
- методология проведения работы;
- результаты экспериментов;
- область применения полученных результатов;

-
-
- выводы/заключение.

Аннотация представляет собой сжатое изложение сути материала. Ее допустимый объем до 600 слов. Если аннотация написана на 2-х языках, то первым располагается русский вариант, за ним следует английский.

Условные обозначения, сокращения употребляются очень редко, с обязательной расшифровкой после первого упоминания в тексте документа.

Ключевые слова. Указываются на двух языках – русском и английском. Задача автора – подобрать словосочетания, максимально точно отражающие предметную область документа. Ключевые слова/словосочетания разделяются запятой.

Рекомендуемое количество — от 5-12 слов. Они располагаются после аннотации в новой строке и разделяются «;». **Английский набор следует после русского.**

Графический материал. Наглядный материал (графики, схемы, диаграммы, рисунки и т.д.) – обязательное условие при написании научной статьи. Автор группирует материал в отдельных файлах, контролируя качество представленной информации. Количество графических изображений – не более 5.

Если изображение не является авторским, нужно указать источник, откуда оно взято.

Сведения об авторе. ФИО автора(ов) научной статьи, занимаемая должность, ученая степень, место работы указывается на двух языках – русский и английский, а также E-mail, ORCID.

ФИО набирается строчными буквами, полужирным курсивом. Остальные данные — с новой строки, строчными буквами, курсивом. Выравниваются по левому краю.

Вводная часть. Методы решения выбранной научной задачи, и новизна исследований на практике и в теории.

Данные о проводимых исследованиях.

- Текст набирается в редакторе Microsoft Word.
- Используется шрифт Times New Roman, размер –14, интервал – 1,5.
- Допускаются параметры страницы: формат А4 с книжной ориентацией; размер полей: левое от 30 мм, правое от 10 мм, верхнее и нижнее — 20 мм.
- Основной текст выравнивается по ширине листа, заголовок — по центру заглавными буквами и полужирным шрифтом. Выравнивается по центру листа.
- Сокращения и аббревиатуры расшифровываются при их первом упоминании.

Подробное описание исследований автора(ов), опирающееся на предыдущие эксперименты в указанной отрасли. Таблицы, графики, формулы допускаются в случаях невозможности описания процесса проведенных экспериментов в текстовой форме.

Теоретическая научная статья должна содержать основные положения и мысли соискателя для углубленного анализа.

Выводы, рекомендации. Указываются ответы на вопросы вводной части и демонстрируются подробные выводы насчет области исследования.

Список литературы. Список литературы – это обязательная структурная единица научной статьи.

Автор(ы) указывает **в алфавитном порядке** все работы, использованные при написании документа. Основная задача автора(ов) – использовать актуальные, современные источники, так как пренебрежение этим правилом вызывает сомнение о целесообразности публикации статьи в соответствующем журнале.

- Источники разделяются по видам: законы и нормативные акты, научные статьи, монографии, материалы конференций. Их расположение в списке идет по юридической силе.

- Источники каждого вида располагаются в строго определенном порядке: по алфавиту, по фамилии автора, по названию сборника, альманаха, если автор не указан.

- Инициалы и фамилия всегда разделяются пробелом.

- Обязательна сквозная нумерация.

- Порядок расположения различных источников: российские издания, зарубежные, электронные.

Каждый источник из списка должен упоминаться и иметь ссылку в тексте статьи.

Согласно требованиям ГОСТ, литературные источники указываются в строгом алфавитном порядке.

✓ **Ссылка** представляет собой цифру в квадратных скобках. Цифра — это номер источника, который расположен в списке ссылок в конце работы. Пример: [5].

Иногда автор ссылается на конкретную страницу источника. Тогда ее номер проставляется в скобках через запятую. Пример: [5, с.36].

✓ **Сноски** обозначаются звездочкой «*».

На странице можно разместить не больше трех сносок.

Нумерация сносок (если больше одной) производится арабскими цифрами. Точка после цифры не ставится.

Текст сноски короткий и содержательный.

Ссылки и сноски размещаются сразу после выражений, которые они объясняют.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее, расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

- ✓ воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на воспроизведение);
- ✓ распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);
- ✓ импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);
- ✓ публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);
- ✓ переводить Произведение (право на перевод);
- ✓ переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на возмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Оплата за публикацию статьи осуществляется на карту Сбербанка по телефону 8(965) 722-38-68 или переводом по платёжной системе «Золотая Корона» (для стран СНГ).

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ

Юрию Александровичу Клейбергу

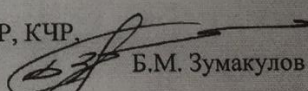
Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

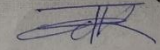
Уполномоченный по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике, дирекция Социально-гуманитарного института КБГУ, кафедра теории и технологии социальной работы горячо и сердечно поздравляют Вас со знаменательной юбилейной датой – 70-летием со Дня рождения!

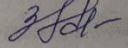
Вы – известный ученый России, доктор психологических наук, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН – внесли и вносите весомый вклад в развитие науки в областях девиантологии, психологии–криминологии, конфликтологии и юриспруденции. Ваши труды известны широкому кругу читателей как в России, так и далеко за ее пределами, стали настольными для наших студентов, обучающихся по направлениям педагогика, психология, юриспруденция, социальная работа. Ваш весомый вклад в российскую науку и образование по достоинству оценены, присудив Вам Государственную премию Правительства РФ в области науки и образования, присвоив почетные звания «Заслуженный деятель науки и образования», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

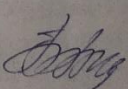
От всей души желаем Вам крепкого здоровья, кавказского долголетия, неиссякаемой творческой энергии во благо российской науки. Мы вправе ожидать еще немало научных трудов! Будем и далее сотрудничать.

С наступающим Новым 2023 годом! С уважением,

Уполномоченный по правам человека в КБР,
д.и.н., профессор, Заслуженный деятель науки КБР, КЧР,
академик Международной академии образования Б.М. Зумакулов

Директор СГИ КБГУ, к.и.н., доцент М.С. Тамазов

Зав.кафедрой ТиТСПР, к.соц.н., доцент З.А. Атабиева

Научный руководитель КБГУ, д.ф.н., профессор
Заслуженный деятель науки КБР,
академик Международной академии образования Б.Б. Хубиев

Поздравляем
С Юбилеем!

Дорогой коллега Юрий Александрович!
Коллектив Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева
сердечно поздравляет Вас с двойным юбилеем: 70 летием и
40 –лтием плодотворной творческой деятельности!

Ваша плодотворная творческая деятельность и известность перешагнули далеко за рубежи СНГ. Ваши труды получили широкую популярность во всем мире! Труды и достижения получили самую высокую оценку не только в Российской Федерации, Великобритании, но и в других зарубежных странах!

Преподаватели ЕЮА им. Д.А. Кунаева в соавторстве с Вами, только в 2022 году подготовили и издали около 10 учебников, учебных пособий и монографий, опубликовали целый ряд научных статей в научных журналах России и «UK Academy of Education: scientific magazine».

Вы всемирно известный российский девиантолог, ювенальный психолог, криминолог, судебный эксперт. Лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования, академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор юридических наук, профессор.

Основатель и президент Международной Ассоциации девиантологов, Академии Национального образования и науки, Международной академии ювенологии и Международной академии социальной работы.

Учредитель и главный редактор научного журнала «Вопросы девиантологии», шеф-редактор научного журнала «UK Academy of Education: scientific magazine», Заслуженный деятель науки и образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Сертифицированный Международный психолог-эксперт.

От всей души желаем Вам долгих, счастливых дней и светлой радости, крепкого здоровья и теплоты родных сердец, душевной гармонии и благополучия, веселого ритма, долгой и счастливой жизни!

С уважением,
Ректор ЕЮА им. Д.А. Кунаева,
Д.ю.н., профессор

Омрали Шакарапулы Жалаири
Омрали Шакарапулы Жалаири

Дорогой Юрий Александрович!

В дни юбилея неизбежно наступает замечательная возможность свободно дарить юбиляру все лично подходящие значения слов и смыслы совершенных дел.

Яркий среди друзей, глубокоуважаемый между коллегами, выдающийся среди ученых педагогов и психологов, ведущий научный организатор, деликатный, обаятельный, отзывчивый, консолидирующий собеседник, инициатор, созидатель и соучастник актуальных дел и событий.

Вступая в темпоральность истинного со-знания с безграничным потенциалом творчества и общения, Вы дарите нам фактическое сознание радости быть, наслаждения созерцать, счастья понимать и "многая, многая лета" Вам на этом пути!

От Самарских психологов – Гарник Владимирович АКОПОВ,
Заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор.

С юбилеем - от "Психологической газеты"

От Психологическая газета
info@psy.su

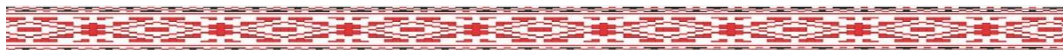
11 янв, 10:29

Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

Примите, пожалуйста, самые искренние поздравления с юбилеем от всей редакции «Психологической газеты»! Здоровья Вам и Вашим близким, хороших новостей, вдохновения и сил, чтобы все задуманное смогло воплотиться в жизнь!

К Вашему дню рождения в «Психологической газете» републикована Ваша статья «Теоретико-методологические обоснования психологии девиантного поведения» (с указанием источника), постоянная ссылка на страницу <https://psy.su/feed/10692/>, анонс есть на главной странице сайта. И, конечно, мы всегда готовы публиковать Ваши статьи, комментарии, новости.

С уважением, **Анна КАГАНЕР,**
руководитель проекта «Кто есть кто в российской психологии»
info@psy.su

Уважаемый Юрий Александрович!

Я хочу поблагодарить Вас за «Основы психологии девиантного поведения», в которой я нашла много ценных идей, которые хочу добавить в работу (например, об информационной зависимости). Отдельное спасибо, что сделали акцент на пентабазисе Ганзена. Тоже на многие мысли навело.

Ваша монография очень полезна как в работе над диссертацией, так и для обновления своих знаний в психологии. Благодарю Вас! С наступающим Новым Годом!

С уважением, **София КАНАВИНА**
председатель общественной организации Иркутской области
«Противодействие социально-негативным явлениям»

Контакты редакционной коллегии:

Главный редактор – профессор КЛЕЙБЕРГ Юрий Александрович.

E-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

eISSN: 2782-1587

ВОПРОСЫ ДЕВИАНТОЛОГИИ

№ 3(16), 2023 (online)

На обложке фото – Вознесенская Церковь. г. Калязин. Тверская область

Издательство

Академии Национального образования и науки

Подписано в печать: 10.03.2023.

Формат 70x108/16. Усл. п.л. 8,0

Тираж 500 экз. Выход в свет: 12.03.2023.

Заказ № 31.

Цена договорная